

Князь Тишины

Анна Гурова

Князь Тишины

«Автор»

2005

Гурова А. Е.

Князь Тишины / А. Е. Гурова — «Автор», 2005 — (Князь Тишины)

Как оживить нарисованную на стене голову и заставить ее произнести признание в любви? Что делать, если превращаешься в зомби и на возвращение в мир живых у тебя ровно сутки? Как привлечь внимание парня, который не обращает на тебя внимания? Что делать, если призрак, вызванный тобой из небытия, оказывается коварным и кровожадным демоном? И вообще, как жить в этом мире, если тебе четырнадцать, родители решительно тебя не понимают, а сама ты учишься в мастерской реальности Приморского района Санкт-Петербурга?

© Гурова А. Е., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ЧАСТЬ I	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	29
ГЛАВА 6	34
ГЛАВА 7,	43
ГЛАВА 8	45
ГЛАВА 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Анна Гурова

Князь Тишины

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Геля случайно создает пустыню и попадает на спецкурс Д

Мы пользуемся материей как оболочкой и оружием.
Девиз мастерской реальности среднего художественного училища
№ 11

Я опоздала к Антонине в мастерскую на полторы минуты против назначенного времени. Вообще-то, можно было бы и не беспокоиться. Сегодня у меня нет занятий. Просто Антонина попросила – вернее, повелела – зайти и выслушать ее заключение о моей авторской внепрограммной работе «Сакура в цвету».

Пробегая через сад к двери мастерской, я заглянула в окно – народу немало. Какие-то малолетки, я их не знаю, может, первый год, в основном девчонки. Толкаются, заливисто хихикают – зверюшек, что ли, творят? Помню-помню.

Мое место вроде не занято. Авось Антонина не заметит меня, а я скажу, что сижу уже давно. Она страшно не любит, когда опаздывают.

В центре мастерской стоял здоровенный металлический верстак, обложенный кафелем, с латунными заслонками по бокам. Вполне возможно, что это не верстак, а печь, которую Антонина использует для каких-нибудь алхимических штучек – с нее станется. Полверстака занимало мое творение – «Сакура в цвету» в стильной керамической вазе. Я не удержалась, чтобы не полюбоваться, хотя это усугубило мое опоздание еще секунд на двенадцать. Даже сквозь давно не мытое стекло сакура смотрелась изумительно. Смелый изгиб узловатого ствола, кружево тонких веток и предмет моей особой гордости: огромные – в два раза больше нормального – трепетные белые бутоны с розоватой сердцевинкой. Даже не верится, что это моя работа.

Антонине, впрочем, не понравится. Она всегда найдет, к чему прицепиться, а я, наивная, каждый раз с замиранием сердца ожидаю похвалы. Что характерно, не дождалась еще ни разу. Да, надежда не просто умирает последней – у меня так она вообще непотопляемая.

Мастерская Антонины располагалась в довольно тесной пристройке со сводчатым потолком и высокими узкими окнами. Зато туда вела отдельная дверь (как я узнала впоследствии, это было проявлением глубокой мудрости со стороны начальства). Я тихонько потянула на себя тяжеленную разбухшую дверь, обшитую неизвестно чьей черной кожей... и столкнулась нос к носу с Антониной. Судя по ее взгляду, она меня ждала. Точнее, подкарауливала.

Сколько ей лет, не знает никто на свете. Говорят, пятнадцать лет назад она выглядела так же. Невысокая худощавая женщина с висячим носом, узким лягушачьим ртом, щучьими зубами и соответствующим взглядом. Прямые черные волосы не по возрасту завязывает в высокий «хвост» или распускает по плечам, приобретая отчетливое сходство с ведьмой. А одевается вообще дико: вот сейчас, например, вырядилась в пончо и ботфорты в сочетании с тренировочными штанами. И притом очевидно считает себя красавицей.

– Явилась... – Это было сказано особым холодно-язвительным тоном, который вгонял меня на первых порах обучения в необратимый физический и умственный ступор. – Не торопись, дорогуша. Думаешь, сдала куст в горшке и можно расслабиться?

На тон я давно уже научилась не обращать внимания, но при слове «куст» упала духом. Антонина сунула мне под нос свои наручные часы-«будильник». Кстати, руки у нее дивные: такое чувство, что ими она видит лучше, чем глазами. Последними она пользуется, только чтобы смотреть на всякие второсортные предметы, типа меня.

– Почти две минуты. И не первый раз. Полагаю, при таком отношении тебе стоит подумать о переходе в другую мастерскую...

– Минута сорок четыре секунды, – покосившись на секундомер, как бы невзначай заметила я.

Это ей будет капелькой бальзама на сердце. У Антонины странные отношения со временем: для нее секунды, как для остальных минуты. Она это скрывает – стесняется, что ли? Я недавно догадалась об этом и вовсю пользуюсь. Вот, подействовало. Антонина перестала загораживать вход в мастерскую.

– Иди, погляди еще раз на свой куст и хорошенько подумай.

«Чего там думать-то, – подумала я, – если все сделано безупречно».

Растолкав малолеток, я скинула чью-то сумку с единственной свободной табуретки и уселась напротив сакуры. Она даже пахла – правда, тяжеловатый аромат скорее напоминал черемуху. Но, с другой стороны, откуда мне знать, чем должна пахнуть сакура? Я и вишню-то ни разу толком не нюхала.

Мысли поплыли. Со мной это часто бывает – сижу, как в трансе, и грежу наяву. На этот раз я обратилась грезами к непосредственной причине опоздания... Коридор старого корпуса художественного училища, четырехугольное пятно света на стене, в солнечном луче порхают пылинки (а окон, между прочим, поблизости нет). В пятне света танцует незнакомая девушка в кремовом топе и тонких брючках в обтяжку. Скупые, точные движения. Маленький шаг, перекатом с пятки на носок. Левое бедро идет вперед, левое плечо – назад, голова – вполборота, ресницы в том же ритме опускаются вниз, и опять все по новой.

Я подхожу поближе, раскрыв рот. Эх, сколько лет учусь, а все покупаюсь на такие вещи! Полная иллюзия реальности! Когда у нас проходила первая специализация, я тоже мечтала стать мастером иллюзии, но меня не взяли.

Вот они, стоят в тени – два красавца-парня в синих одинаковых джемперах с негритянскими косичками до плеч. Это на их отделении сейчас такая мода. Тоже иллюзия, конечно. При моем приближении красавцы прекращают обсуждение девушки и вперяют в меня недружелюбные взгляды. Будущие мастера иллюзии не любят нас, материалистов. С одной стороны, им проще – с их отделения мастерами станут процентов семьдесят, а с нашего – дай бог, два-три процента, остальные идут в расход. Зато с настоящим мастером реальности никакой иллюзионист не сравнится. Они это знают, и им завидно.

Впрочем, то же самое они говорят и о нас. Зато в плане напакостить материалисты, конечно, сильнее: никакая иллюзия присутствия кошачьего дерьма в темном гардеробе мастерской Антонины не идет в сравнение с настоящим кошачьим дерьмом, в которое вляпается будущий мастер иллюзии, не способный отличить видимость от реальности.

Да фиг с ними, с мастерами. Я хочу научиться двигаться так же непринужденно и грациозно, как их девушка. Бедро – плечо – подбородок – ресницы... В чем фокус? Чтобы не смущать иллюзионистов, я уйду за угол, нахожу там стеклянную дверь и долго топчусь и покачиваюсь перед ней, впустую тратя время и навлекая на себя гнев Антонины. Может, я что-то упустила? Например, движение локтя или кисти руки?

– ...Ну, надумала? Я поспешно вышла из транса.

– По-моему, все нормально.

– Ах, все нормально, – зловеще повторила Антонина. – Все, значит, тебя устраивает...

Малолетние девчонки оставили свои работы и как по команде повернулись ко мне, предвкушая забаву. Преподавательница их не разочаровала. Окинув мою сакуру невыразимо пре-

зрительным взглядом, она собственноручно принялась обрывать белые цветы и бросать их на пол. Деревце облысело в одну минуту. Нет, я не смела сопротивляться – но лучше бы она повырывала мне все волосы! В тот миг я ее ненавидела страшной ненавистью.

Это было чисто демонстративное наказание, так сказать, акция устрашения, ведь она могла просто дематериализовать цветы и тихо, не привлекая внимания, объяснить мне, чем они ей не приглянулись. Но подобная тактичность, к сожалению, не в стиле Антонины.

– Теперь понятно? – тяжело дыша, спросила злыдня.

– Нет, – с ненавистью процедила я.

– Для особо тупых поясню, – ответила она с деланным терпением. – Эти белые, дурно пахнущие лепехи – безвкусица. Бутафория. Мещанство. Я надеялась, ты заметишь сама. Ты могла, но не захотела – почему, не понимаю. Теперь взгляни на дерево. Про ствол я, ладно уж, промолчу. А это что такое?

– Где? А, это... Шипы.

– Откуда на вишне шипы?

– А разве на вишне нет шипов?

– Нет.

– Хм. А может, на сливе есть?

– Я тебе скажу, почему на твоей вишне выросли шипы. Это отрывка неразвитого эстетического чутья. Ты почувствовала, что переложила сахару, и попыталась компенсировать свои аляповатые бутоны шипами. Как бы уравновесить, понимаешь?

– Нет, – повторила я из чистого упрямства.

– И получился ботанический урод, – закончила Антонина. – Ничего, зато горшок вышел вполне прилично. Ладно. Приступай к работе. Все надо переделать.

Моя душа была погружена в глубокое уныние. Вот это и называется – удар в самое сердце.

– Что же мне теперь делать с бутонами?

– Совсем фантазия не работает? Допустим, они еще не распустились. Наметь почки, а ветки оставь, как есть. Я прослежу, чтобы дальше все было в порядке.

«Зато горшок хорошо получился», – злобно подумала я, испытывая острое желание запустить сакурой в любимую учительницу.

Да, любимую. Наверно, я мазохистка. Помню, когда я была девчонкой-малолеткой, то боялась ходить на ее уроки, потому что глумилась она надо мной по-страшному. Мне вообще сначала не давалась учеба, да и не только мне, но учителя были снисходительны и терпеливы – все, кроме Антонины. Она на дух не переносила безрукость и бездарность. Сколько несчастных котят-мутантов было выхвачено из моих рук и безжалостно загублено, не успев пожить и получаса! Каждый урок мне тыкали в нос очередным уродцем, язвительно приговаривая: «Ты полагаешь, что оно может ходить? А ты смогла бы ходить, если бы у тебя не было позвоночника?» Когда я на первых порах пыталась оправдываться, утверждая, что позвоночник «там, под шерстью», шерсть была снята при мне вместе с кожей.

Словом, жилось мне нелегко вплоть до третьего года, когда мы получили задание «сказочный зверь». Тут-то я отвела душу! На вопрос наставницы: «Это кто, больной хорек?» – я, не моргнув глазом, заявила: «Чупакабра». Антонина прибалдела и отстала. В итоге в однообразной толпе колобков и ручных дракончиков моя чупакабра получила высший балл.

Несколько месяцев я ходила в любимчиках. Даже мое следующее творение – «эмоционально акцентуированное дерево» – было оценено весьма высоко, хотя постоянно валилось на бок, испуская глухие стоны. В то самое время прошла вторая специализация, и Антонина пригласила меня в свою группу мастеров. Это был мой единственный шанс не вылететь из училища вообще, и я его не упустила. Так я стала материалисткой. Очень вероятно, что Антонина впоследствии не раз пожалела о своем решении. Задание «альбинос» я бездарно провалила. Антонина, тяжело вздыхая, оторвала у существа руки и ноги, выпотрошила тушку и в таком

виде повесила на дверь в качестве кошелька для ключей от мастерской. Про голема я до сих пор вспоминаю не иначе как с румянцем стыда на щеках. Но Антонина почему-то не гнала меня. Думаю, из чистого упрямства.

...Бутоны, почки... Надо напрячь фантазию. Шипы убирать не хочется, лишняя морока. А что растет на колючих кустах? Волчья ягода? Крыжовник? Нет, если крыжовник, то и ствол надо менять. Во, саксаул. Аксакал висел на саксауле. Ни цветов, ни листьев, одни ветки и шипы. Но у саксаула другое строение веток. Я попыталась представить себе куст саксаула, но перед глазами упорно маячил вид из какого-то журнала про путешествия: оранжевая пустыня, ребристая, как стиральная доска, уходит за горизонт, небо, окрашенное заходящим солнцем в безумные химические цвета, к горизонту злое еще чернеет. На переднем плане стоит девушка в прозрачной белой юбке, которую развеивает ветер. Вроде там, в уголке, был маленький кустик саксаула...

От раздумий меня отвлек пронзительный визг. С индустриальным грохотом захлопнулась дверь. Через мгновение последовал яростный вопль Антонины:

– Кто?!!

Я даже не повернулась, только злорадно усмехнулась. За подобное хлопанье дверью Антонина карает нещадно.

– Кто это сделал?!!

В «предбаннике» у двери какая-то девчонка заливалась рыданиями. Остальные собрались в кучку и испуганно шушукались. Мне стало интересно.

– Ага... Геля! (Это ко мне). – Голос Антонины прозвучал на удивление миролюбиво. – Подойди-ка сюда и выгляни за дверь.

Я подошла и выглянула. Резкий порыв ветра бросил мне в лицо горсть песка. Училищный сад пропал. До самого горизонта простиралась оранжевая пустыня. Небо, окрашенное в безумные химические цвета, выглядело куда более злое еще, чем на картинке. Только девушки в белой юбке не было – вот единственное отличие.

– Твоя работа?

Зычный голос Антонины как подменили – вопрос прозвучал едва слышно. Я издала сдавленный хрип, который Антонина, очевидно, расценила как положительный ответ. Покачивая головой, она закрыла дверь и снова открыла ее. На улице все стало по-прежнему: сад, потоптанные клумбы, асфальтовые дорожки и шоссе за кустами.

– Чего столпились? – рявкнула вдруг Антонина на девчонок. – До конца занятий еще восемнадцать минут. Ну-ка, вернулись по местам! Рысью!

Стены мастерской затряслись от дружного топота. Я бочком двинулась к своей табуретке, но Антонина поманила меня к себе. Выражение ее лица было какое-то странное. Я на всякий случай сказала:

– Я не нарочно. Оно само.

– Сейчас мы, голубушка, об этом говорить не будем, – задумчиво проговорила она. – И вообще, запомни: молчание – золото. В четверг, в восемнадцать тридцать, придешь сюда. Одна, и никому ни слова.

– Но у меня история искусства!

– Ничего, тебя отпустят.

– А... зачем?

– Узнаешь. Сакурой можешь больше не заниматься. Посадим ее на заднем дворе. Если зиму переживет, считай, оценка положительная. Все, ступай отсюда. И чтобы до четверга я тебя не видела.

В смятенных чувствах я взяла сумку и вышла во двор. Сделав несколько шагов, остановилась. Любопытство, одолевавшее меня, дошло до высшей степени. Что случилось? Почему за дверью оказалась моя пустыня? И что такое ожидает меня в четверг, в полседьмого? Ну,

допустим, последнее выяснить нетрудно. Я развернулась и побежала в главный корпус, туда, где при входе висело расписание занятий. Что там по четвергам в мастерской реальности? С утра – окно, потом второй курс до трех, потом преддипломные проекты, а последним в списке – «спецкурс Д». Это что еще такое? Обшарив глазами расписание, я нашла еще несколько не менее загадочных названий – например, «спецкурс М» у иллюзионистов и «спецкурс архетипического символизма» у искусствоведов. Да... ясности не прибавилось, и любопытство мое только увеличилось.

Я огляделась по сторонам, надеясь найти поблизости кого-нибудь из реалистов, кто, возможно, знает об этом деле больше меня. Занятия еще не окончились, и в вестибюле было почти пусто. Но мне повезло: метрах в пяти я заметила хмыря Ивана. Он сидел на скамейке и ел пышку, посыпая свои мешковатые брюки сахарной пудрой. Этот Иван, чахоточный черноволосый парень с мрачным взглядом, тоже учился на отделении реальности, только на год старше меня. Я с ним особо не общалась: он казался юношей угрюмым и со странностями. Но сейчас у меня выбора не было.

– Эй, привет, – окликнула я его. Иван вздрогнул, сунул в рот пышку, как будто опасаясь, что я ее отниму, и промямлил:

– Чего?

– Не знаешь, что за «спецкурс Д» такой?

Иван посмотрел на меня с подозрением:

– Не знаю. А зачем тебе?

– А я там теперь буду заниматься, – гордо сообщила я.

– Врешь!

– Не веришь, спроси у Антонины. Она сама мне только что сказала прийти в четверг.

Иван опустил голову и задумался, продолжая на меня скептически коситься.

– Ванечка, ну ты же знаешь, – сказала я умильным голосом. – У тебя на лице написано вот такими буквами.

– Ладно. «Д» означает «демиургия», – не выдержал Иван.

– Чего?

– Демиургия. Создание миров. Я обалдела:

– Каких еще миров?

– Да любых, – снисходительно пояснил Иван. – Каких хочешь.

Полученной информации мне хватило, чтобы надолго потерять дар речи. Иван усмехнулся и убрел вдаль по коридору.

Я постояла у расписания, укладывая сказанное Иваном в сознании. Какой странный сегодня день! Я учусь танцевать у несуществующей девушки, за дверью возникает кислотная пустыня, и Антонина направляет меня на спецкурс по созданию миров. Не часто, думала я по дороге домой, выпадают такие чудные дни!

Однако это было еще не все. Еще не закончился вечер, как я влюбилась – первый раз в жизни.

ГЛАВА 2

Геля заново знакомится с другом детства. Явление синего призрака

Десять лет я не мог найти дорогу назад, а теперь позабыл, откуда пришел.

Из чаньских изречений

Тем же вечером родители собрались в гости к своим друзьям Хольгерам (эта диковинная фамилия досталась им, по слухам, от норвежских предков) и меня с собой позвали. Чего тебе, сказала мама, дома одной весь вечер сидеть, пойдем вместе, с Сашкой пообщаешься. Сашка – это их сын, мой ровесник. Я не видела его уже, наверно, года полтора и почти забыла, как он выглядит. Худенький такой, с белыми волосиками и большими почти бесцветными глазами. Почему бы и нет, подумала я. Дома все равно делать нечего. Наемся в гостях от пуза, поболтаем с Сашей, вспомним молодые годы. Может, книг каких-нибудь наберу почитать.

По настоянию мамы я себя украсила (как-никак к кавалеру идем!) – белые пластмассовые бусы поверх коричневого свитера, и мы поехали.

Пока трамвай тащился по бесконечной улице Савушкина, меня одолевали воспоминания детства. Мама дружила с тетей Наташей еще со школы, так что мы с Сашей были знакомы, можно сказать, с колыбели. Когда мы были совсем маленькими, играли в разбойников под столом и в солдатиков. Всякого оружия у Саши было просто невероятное количество: автоматы с разноцветными лампочками, пистолеты, танки, зенитки и несколько мешков солдатиков: всяких рыцарей, десантников и монголо-татар.

Помню, Саша научил меня игре под названием «атомный взрыв». Солдатики долго и скрупулезно выстраивались в боевом порядке по всей комнате, одна армия напротив другой. Саша расставлял по правилам тактики и стратегии, я – как красивее. Когда войска были готовы к бою, Саша кричал: «Атомный взрыв!» – и швырял мяч. Мяч скакал по комнате, валя солдат целыми дивизиями. Мне потом нравилось собирать «выживших» и отводить их на базу, куда-нибудь на полку. Саша уничтожал армии до последнего солдата и смеялся при этом своим холодным и обидным смехом. В эти мгновения он мне не нравился, потому что казался старше и злее, чем был на самом деле.

Когда мне исполнилось восемь, я научила Сашу игре, которую придумала сама, – рисовать рай. Я представляла себе рай в виде комнаты, где я лежу на кровати с балдахином и смотрю телевизор. Рядом со мной столик, на нем – куча конфет, жевательных резинок, шоколадок (попадает, впрочем, и бутерброд с колбасой). На полу стоит цистерна пепси-колы с длинной соломинкой, чтобы не надо было утруждаться вставать. По телевизору непрерывно идут мультики, известные и неизвестные. А когда все на свете мультики заканчиваются, я вставляю в телевизор книгу, и она тоже превращается в мультфильм. Кстати, в комнате вокруг меня – шкафы с книгами, уходящие в бесконечность. Через огромные стрельчатые окна виден чудесный пейзаж: скалы, водопады, лес с грибами, ветвистые деревья, по которым можно лазать, когда мне надоест смотреть телевизор. Такой вот рай.

Саша сразу заметил, что чего-то не хватает. Он придумал рисовать ад. Внизу – котлы, сковородки и прочая посуда с грешниками, сверху – облака. На облаках летают караульные ангелы и присматривают за работой чертей. Идея мне очень понравилась. С тех пор мы рисовали две картинки: сверху – слегка поднадоевший рай с кроватью и телевизором, снизу – адский чертог, который становился все интереснее и интереснее, обрстая новыми подробностями. Мы

с Сашей возглавляли побег грешников, угоняли облако, а черти и ангелы преследовали нас с хлыстами и трезубцами. Потом мы стали рисовать только ад, а потом игра приелась.

Еще мне вспомнилась увлекательная игра, одна из последних – «аутодафе». Придумала ее я, но непосредственным толчком послужило нечто демоническое, что появилось тогда в Сашиной внешности: лет в двенадцать он чем-то долго болел и некоторое время ходил костлявый, как скелетик. Играть полагалось так: я рисовала и вырезала из бумаги «грешника» – тощее голое существо с растрепанными волосами и ужасом на лице. Потом мы вешали его на цепочке на кран в ванной, зажигали свечку, выключали свет и запирали дверь. Дальше начиналось самое интересное. Саша, изображая Великого Инквизитора, брал книгу (какую, не помню, что-то историческое) и зачитывал оттуда мрачным голосом: «Восстань, о Господи, и сотвори свой суд! Всю силу гнева своего обрушь на язычников и неверных! Изобличенный еретик, несчастный грешник, прогнанный член христианской общины, отрекись от ереси и примиришься с церковью!» – и дальше в этом роде. Еретик в хамском тоне отказывался каяться (как всякой порядочной девочке, мне очень нравилось ругаться), и тогда инквизитор подносил свечку к его ногам. На мой взгляд, еретик сгорал слишком быстро: всего долю мгновения его испуганные глаза смотрели сквозь очистительное пламя.

Что мне больше всего нравилось в этой игре? Во-первых, Сашино бледное лицо в полумраке, с глубокими тенями на худых щеках и запавшими глазами, в которых отражалось пламя свечи, и его глуховатый голос, произносящий страшные и величественные слова. Во-вторых, цепочка, на которой поджаривали грешника: от копоти свечи она из серебристой становилась черной, и это таинственным образом убеждало меня, что аутодафе совершилось совсем как по-настоящему.

Квартира у них была крохотная – типичное новостроечное жилье с микроскопическими комнатами и окнами во всю стену, – но в детстве она казалась мне огромной, безграничной. Она выглядела как приемная в целый мир тайн. За каждой дверцей шкафа мне мерещились анфилады залов, за дверью кладовки – винтовая лестница. Про зеркала скажу только одно – то, что там отражалось, абсолютно не походило на то, что было в действительности. Впрочем, наверно, все дело было в моем разыгравшемся воображении.

Трамвай наконец доехал. Мы прошли метров сто по усыпанной листьями улице до одинокого точечного дома, похожего на белый утес, поднялись на лифте на двенадцатый, а может, и тринадцатый этаж (я все время забывала). Мама зашуршала пакетом с подарками, папа позвонил в дверь. Внутри раздались приглушенные голоса, звук шагов, и на пороге возникла тетя Наташа, светясь приторной улыбкой. За ее спиной виднелся дядя Игорь. Из кухни тянуло чем-то горячим и вкусным, с корицей.

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь! – протянула тетя Наташа. – Заждались. А Гелечка-то как выросла! Взрослая девочка стала, не узнать! А красавица-то какая! Сашуля, беги сюда, погляди на Гелю...

От тети Наташиных похвал я не знала, куда прятать глаза. Особенно меня смутила последняя фраза. Краем глаза я видела, что мама морщится, и даже знала, о чем она сейчас думает: что тетя Наташа сыплет похвалами исключительно ради того, чтобы кого-нибудь сгладить.

Тетя Наташа наконец отстала от меня и принялась захваливать маму, восхищаясь ее цветущим видом и вечной молодостью. Дядя Игорь увел папу на кухню, поговорить о каких-то своих делах. Я сняла куртку и повесила на один из латунных крючков вешалки. И эта вешалка, и высокое зеркало с ящиком для обуви, от которого Саша когда-то открутил и потерял ручку, и выцветшие желто-коричневые обои – ничто не изменилось. Все выглядело, в точности как полтора года назад, когда я побывала тут последний раз. «Как будто вернулась в позапрошлый год, – подумала я. – И тетя Наташа все такая же – лисичка со скалочкой».

– Саша, выйди поздоровайся, – крикнула тетя Наташа.

Из комнаты донесся незнакомый мне угрюмый баритон:

– Добрый вечер.

– А выйти?

– Я занят.

– И все-то он занят, – сокрушенно произнесла тетя Наташа, взглянув на моих родителей. – Я иногда и не пойму чем. Проходи, Гелечка, в гостиную, пусть этому грубияну будет стыдно.

Я сделала несколько шагов и застыла в дверях. На диване, вполоборота ко мне, сидел и шелкал пультом абсолютно взрослый беловолосый парень в спортивном костюме. Логика подсказывала, что это Саша, но я смотрела и не узнавала. Гордая посадка головы; лицо – неподвижное, самоуверенное, нереально красивое; холодный взгляд без выражения; очень светлые, серые с желтоватым отливом глаза. В его облике сквозило что-то слегка женственное: припухшие уголки довольно узких губ, матовая бледность, удлинённые серые глаза. Но жестокое, надменное выражение – то, что осталось с последнего раза от «великого инквизитора», – теперь, казалось, было для этого лица нормой.

– Что там за безобразие? – спросила тетя Наташа, указывая на телевизор.

Парень медленно повернул голову и недовольно посмотрел на тетю Наташу.

– «Мясорубка», хит-парад... скандинавская десятка, – цедя слова, как будто ему лениво отвечать, произнес он.

От его голоса у меня по коже прошел озноб.

– Привет, – беззвучно сказала я.

Парень остановил на мне взгляд, криво улыбнулся и повернулся к телевизору.

– Проходите к столу! – захлопотала тетя Наташа. – Игорек, иди, здесь наговоритесь! Гелечка, садись на диван, к этому буке поближе.

Я все-таки решила уточнить обстановку и выяснить, точно ли Саша сидит на диване. Спросить: «Кто это?» – мне показалось глупым. Я шепотом осведомилась у тети Наташи:

– Это Саша?

Мама и тетя Наташа покатались со смеху.

– Сашуля, Гелечка тебя не узнала! – заявила тетя Наташа. – Спрашивает, кто это там сидит?

Саша недовольно покосился на нее, дернул плечом и молча повернулся к экрану.

– Что ты застряла в дверях? – укорила меня мама. – Проходи, садись рядом с Сашей. Спроси его, что он смотрит.

– Наверно, что-то очень интересное? – игриво спросила его тетя Наташа. Саша даже виду не подал, что услышал.

«Чего они достают человека дурацкими вопросами?» – с внезапным негодованием подумала я и решительно прошла к дивану. Саша, не глядя на меня, демонстративно отодвинулся, хотя я села не меньше чем в полуметре, чтобы не смущать его своим присутствием.

– У Сашеньки последнее время так испортился характер! – громко жаловалась тетя Наташа. – Грубый стал невыносимо. Отцу хамит, меня не слушает. Художественную школу бросил...

– Ты правда бросил художку? – шепотом спросила я.

– На хрена мне это надо, – ледяным тоном ответил Саша, покосившись в мою сторону. – И так времени ни на что не хватает.

У меня снова мороз по коже прошел от его голоса.

– Он теперь на карате записался, – не без гордости сказала тетя Наташа, услышав его последнюю реплику. – Будет защищать старушку-маму.

Саша поднял голову и ухмыльнулся таким бандитским оскалом, что я невольно отшатнулась.

– Получу черный пояс, буду участвовать в кумитэ, – злорадно сказал он. – В боях без правил, кто не понял. На деньги. Заработаю тысяч десять, куплю байк. Бороду отращу лопатой... вдену серьгу в нос... сделаю татуировку на заднице в виде задницы...

– Ты видишь, каким он стал? – с наигранной горечью воскликнула тетя Наташа, обращаясь к маме.

Мама опасливо покосилась на Сашу и принялась рассказывать о моих успехах в училище. Я сидела рядом с Сашей, едва смея дышать, чтобы не вспугнуть то, что происходило сейчас на этом отрезке времени и пространства. А то, что здесь нечто происходило, я ощущала очень отчетливо. Реальность вокруг меня самопроизвольно изменилась. Я смотрела на сервант с хрусталем и фарфоровыми зверями, на истертый ковер – поле былых сражений, на звездное небо за окном, на лица людей, которых знала всю жизнь. И ничего не узнавала. Сохраняя прежние формы, уходящие в дремучее детство, о котором не осталось воспоминаний, реальность наполнилась новым, таинственным содержанием. Я чувствовала, что вхожу в незнакомую область, где от меня ничего не зависит.

С кухни пришли отцы, и тетя Наташа пригласила всех за стол.

– Саня, переключи программу, – попросил дядя Игорь. – Под такой рев пища не усваивается.

– Да, действительно, – с облегчением кивнула моя мама. – Выбери, Сашенька, что-то мелодичное, чтобы разговору не мешало.

– Такого я не слушаю, – угрюмо ответил Саша, и не думая шевелиться.

– Тогда вообще выключи телевизор, – рассердился дядя Игорь. – Я что, должен весь вечер напрягать голос, чтобы перекричать твою музыку?

Саша исподлобья взглянул на отца. Я подумала, что он сейчас скажет какую-нибудь грубость, но он молча встал, взял магнитофон, стопку кассет и ушел. Через полминуты из кухни послышалась музыка.

– Ты кушать-то будешь? – крикнула тетя Наташа, но ответа не дождалась.

– А говорил, музыки нормальной нет, – укоризненно заметил папа, принимаясь накладывать себе салаты.

– Иди, Гелечка, на кухню, пообщайся с Сашенькой, – сказала мама. – Мы пока посидим, поболтаем о своих взрослых делах, а вы потом перекусите...

Я покорно выскользнула из-за стола и направилась туда, куда меня и так тянуло, как магнитом. Свет на кухне был выключен, только под столом на магнитофоне горели два огонька – зеленый и красный. Звездно-лунное небо сияло во все окно. Саша сидел на полу, опираясь спиной о стену и поставив локти на колени. Он повернул ко мне голову, и глаза блеснули в полутьме.

– Чего, тебя тоже достали? – негромко спросил Саша.

Я тихонько села на пол рядом с ним:

– Кто это поет?

– Неужели не знаешь? – презрительно протянул Саша. – Это Бутусов.

– Кто?

– Ты что, «Наutilus» никогда не слышала?

– Слышала, – кротко ответила я, будучи не в силах оторвать взгляд от Сашиных удлинённых глаз, волшебным образом собирающих и генерирующих лунный свет. – А чего они поют?

– Ну послушай, – милостиво сказал Саша. – Вот красивая песня, моя любимая.

Он отмотал пленку, нажал на «плей». Немного пошуршало, и заиграла музыка. Очень Сашина. Абсолютно не детская. Непохожие темы нанизывались одна на другую то в мажоре, то в миноре, создавая парадоксальное и необыкновенно красивое звуковое пространство... Затем раздался голос – глуховатый, временами металлический, временами переходящий на шепот. Он речитативом рассказывал малопонятную, но именно поэтому чарующую легенду о Князе

Тишины, волшебном существе, в образе которого переплелись лунный свет, музыка и смерть. Я слушала песню, на глаза наворачивались слезы, в горле стоял ком, и мне казалось, что Князь Тишины – это Саша.

А потом в кухне зажгли свет. Я зажмурилась от неожиданности, и мне почудилось, что за Сашиной спиной маячит синеватая тень, причем у меня возникло ощущение, что я имею к ее появлению самое непосредственное отношение. Синий призрак издевательски помахал мне рукой, повернулся и начал удаляться в сторону окна. «Стой!» – мысленно крикнула я зачем-то. Не обратив внимания на мой зов, синий прошел сквозь стекло и вскоре затерялся в темном небе.

Мы уже возвращались домой, когда мама обернулась ко мне и хитрым голосом сказала:

– Сашка-то на тебя весь вечер косился.

– Не косился! – пылко возразила я. – С чего ему на меня коситься?

– Может, понравилась, – тем же противным тоном сказал папа. – А что, девушка ты у нас вполне привлекательная...

Я фыркнула и ушла вперед, изображая возмущение. На самом деле я ужасно смутилась: родители грубо и бесцеремонно влезли туда, о чем я думала всю дорогу, а им и заикаться не следовало бы. А где-то на дне затаилась радость: «Неужели и вправду на меня смотрел?!» – и там же тревога: «Вдруг я ему не понравилась?» Действительно, куда мне рядом с ним? Ведь он так фантастически красив, а я... Как ему удалось так преобразиться за какой-то год?

«Похоже, я влюбилась, – поставила я себе диагноз. – Вот так, безо всякой подготовки, стихийно и непонятно зачем. И что мне с этим дальше делать?» Что делать, я понятия не имела, а хотела только одного: увидеть его снова, видеть его как можно чаще, прийти к нему в гости и никогда не уходить. Любоваться им вечно.

ГЛАВА 3

Первый урок демиургии

*В основу превращения вещества положены пять принципов:
творец, душа, материя, время, пространство.*

Абу-Бакр ибн Захария ар-Рази

В четверг, полседьмого, опаздывая буквально секунд на пятнадцать, я с трепетом ступила на давно знакомое, но одновременно как бы и ставшее новым крыльцо мастерской реальности. На улице было уже темно, за стеклами горел свет, двигались расплывчатые силуэты – или это у меня от волнения выступили слезы на глазах? Я проскользнула внутрь и принялась слегка дрожащими руками освобождаться от шарфа и куртки. За стеклянной дверью, отделяющей гардероб от мастерской, было неестественно тихо – напряженное молчание, как неловкая пауза в разговоре. Вдруг кто-то произнес нежным мелодичным голосом, манерно растягивая слова:

– Полупрозрачные алые лица, как клубничная карамель, повисшие в кубах льда, подсвеченные изнутри голубоватым светом...

Смутно знакомый, очень самоуверенный девчоночий голос тут же возразил:

– Ну, допустим, эти посмертные маски по-своему красивы. Но в чем тут творчество? Оригинальная выдумка, пол-литра крови, покойник и морозильная установка. Всей работы на полчаса. Антонина Николаевна, извините, но я хочу разобраться...

Ничего не понимая, я тихонько подкралась к двери и прислушалась. Из мастерской доносилось бормотание, которое легко перекрыл резкий голос Антонины:

– Типичнейший обывательский подход: если мне что-то непонятно, значит, в этом виноват художник... а его творение – полное дерьмо, недостойное моего внимания...

Через захватанное стекло двери я заглянула внутрь. Вокруг верстака сидели какие-то ребята и смотрели на Антонину, которая в своей обычной манере расхаживала по мастерской, жестикулировала и философствовала. Это дело она издавна любила: загрузить учеников всякими абстрактными категориями до такой степени, чтобы они напрочь утратили ощущение реальности бытия, а на закуску обозвать всех присутствующих тупыми необразованными идиотами, не способными понять элементарных вещей. Впрочем, слушать философствования было не обязательно, оценок за это не ставили. «Ну вот, – огорчилась я. – Я-то думала. А тут то же самое. „Знаете ли вы, что такое Вселенский Хаос? Человеческому разуму этого не постичь, но я вам сейчас объясню за десять минут на пальцах...“»

– ...А замороженная кровь несет в себе определенную энергетику спящей жизни, что в сочетании с посмертной маской... И кто это к нам крадется?

– Добрый вечер, – робко сказала я, приоткрыв дверь. – Антонина Николаевна, не ругайтесь, я всего секунд на пятнадцать...

– Ладно уж, – смиловилась Антонина. – Проходи, я тебя представлю. Дети, это Ангелина Щербакова – талантливый мастер реальности и, надеюсь, будущий демиург.

Я внимательнее посмотрела на «детей». Их было всего трое. Две незнакомые девчонки года на два-три постарше меня и – ой, кого я вижу! – Иван.

– О Господи, еще один реалист. Счастье-то какое нам привалило, – фыркнула одна из девушек: худощавая, с темно-каштановыми волосами до плеч и длинной мелированной челкой а-ля Земфира. Глаза у нее были карие, блестящие, немигающие, тонкий нос с горбинкой, красивые артистические руки. По ее презрительной интонации, с которой она говорила о реалистах, и темно-синему джемперу крупной вязки я безошибочно опознала иллюзионистку.

– Не «о Господи», а «Аллилуйя, слава тебе, Боже», – поправил ее Иван. – На худой конец, «да будет воля Твоя». Катенька, ну не надо цепляться. Пора наконец признать, что иллюзионисты – второй сорт по определению.

– Помалкивай, богослов недоделанный, – отрезала девчонка.

«Да это ж сама Катя Погодина!» – с невольным благоговением сообщила я.

Катя Погодина – отличница, гордость школы и всеобщая головная боль – прославленная своим высокомерием и гнусным склочным нравом, доучивалась последний год на отделении иллюзий, намереваясь по осени без экзаменов поступить в Академию художеств. Ходили слухи, что ее отец – знаменитый мастер иллюзии, и якобы Николаич, наш директор, считает огромной честью, что мэтр Погодин отдал дочь именно в его школу. Мне не особенно верилось, пока однажды Катин папаша не вздумал нас посетить. Я сама не видела, но надежные люди рассказывали, что это было еще то зрелище!

Преподаватели выстроились при входе в два ряда, директор только что ковровую дорожку не раскатывал. Папаша – толстый, носатый, воплощенная надменность – ноги об него вытер, прошел сквозь учителей и несколько минут поговорил об успехах любимой дочери с Антониной, умудрившись ни разу на нее не взглянуть, как та перед ним ни прогибалась, хихикая и строя свои рыбы глазки. Да и вообще его лица никто толком не разглядел – не захотел он его профанам лишний раз показывать. Одно слово – мастер.

Рядом с Погодиной, изящно облокотившись о верстак, сидела красивая девушка с длинными черными волосами, в стильном белоснежном костюмчике, закинув ногу на ногу и покачивая в воздухе лакированным остроносом сапогом на десятисантиметровой шпильке. Кожа у нее прямо светилась изнутри, как старинный фарфор; в чертах лица было что-то азиатское. Я невольно вздрогнула: показалось, что на тыльной стороне ее левой ладони сидит огромный паук. Но, приглядевшись, я поняла, что это просто татуировка в виде иероглифа. Девушка приветливо взглянула на меня, улыбнулась и заговорщицки подмигнула. Я машинально расплылась в ответной улыбке.

– Так я о чем? – Антонина почесала кончик носа и продолжила хождение по мастерской, прерванное моим приходом.

– В сочетании с посмертной маской... – мелодичным голоском подсказала черноволосая девушка.

– Ах, да. Суть проблемы совсем не в том, является ли посмертная маска из замороженной крови произведением искусства. Дело в том, что все современное искусство – абсолютно любых жанров, начиная с ваяния и кончая театром, – нехудожественно. Этой категории больше не существует, она умерла. Отошла в прошлое. Парадокс, не так ли? Кто-то хочет возразить? – Антонина грозно воззрилась на Ивана, который с серьезным видом помотал головой. – Функция произведения искусства в наше время – как, впрочем, и в любое другое – донести до зрителя определенную информацию. Но сейчас это – невероятно трудная цель, которую приходится достигать любыми средствами, в число коих художественность больше не входит. Только так потрясенный, насильственно выбитый из обычного дремотного состояния современный обыватель способен воспринять нечто новое и непривычное. Тем более если художник оперирует такими категориями, которые обывателю не могут привидеться даже в горячечном бреду. С каждым десятилетием уменьшается количество людей, которые могут хотя бы понять, – я не говорю уже о том, чтобы творить самим. Этот процесс отупления масс пугающе стремителен...

Я тайком огляделась по сторонам. Все внимательно слушали, как будто им было ужасно интересно. Я-то с трудом понимала одно слово из десяти, а общий смысл речи от меня и вовсе ускользал. «Как бы Антонина не заметила. Еще выставит меня отсюда, массовую обывательницу», – с тревогой подумала я, принимая умный сосредоточенный вид.

– ...Итак, взяв за отправную точку творчество Энди Уорхола, в развитии современного искусства я усматриваю два вектора: отсутствие художественности и синтез жанров, то есть

тенденцию к слиянию различных его видов в нечто единое. И то и другое – заметьте, я не просто так говорю – имеет прямое отношение к Чистому Творчеству...

Похоже, я угодила на этот спецкурс по ошибке. «Если и дальше все пойдет в том же духе, я вылечу после первого же зачета, – тоскливо подумала я, чувствуя себя непоправимо тупой и необразованной. – Нет, после первого вопроса».

Антонина остановилась у окна, задумчиво глядя на свое отражение.

– В Историческом музее, на выставке, посвященной снятию блокады, меня поразила одна инсталляция: своего рода ширма длиной около десяти метров, сплетенная из человеческих волос, связанных девятиюстами узелками. Невероятная хрупкость и грандиозность одновременно! Нехудожественно? Да, бесспорно, но ведь потрясает. Или другой пример. Представьте себе: Финляндия, музей современного искусства, расположенный в естественных пещерах на глубине более пятидесяти метров под землей. Идешь по темному каменному коридору. В стенах – узкие ниши, из которых пробивается слабое мерцание, как будто отблески магмы. И вдруг коридор заканчивается круглым озером-колодез, в центре которого – медленный, неумолимый водоворот, черная дыра, где исчезает все сущее. Сверху на гладкую поверхность озера падает столп бледного, невероятно далекого дневного света. И тишина.

– Сильно, – уважительно сказала темноволосая девушка.

«Тоже мне, произведение искусства. Штирлиц попробовал слив. Слив не работал», – подумала я скептически, хотя нарисованная Антониной картина меня, прямо сказать, впечатлила.

– Очень лаконично и просто, почти примитивно, – сказала Антонина. – Но эта простота гениальна. И вот еще – название. Как вы думаете, какое?

– «Все там будем», – угрюмо предположил Иван.

Антонина сделала отрицающий жест.

– Композиция называется «Wake up».

– «Проснись», – перевела Погодина. – Ишь ты.

Я впала в философскую задумчивость и пропустила несколько секунд разговора.

– Таким образом, – продолжила Антонина, обращаясь к Погодиной, – разложившиеся свиные туши в формальдегиде и посмертные маски из замороженной крови, которые ты видела на выставке в Дрездене, также великолепный образец современного искусства, предназначенного запугивать, озадачивать и потрясать.

Погодина довольно невежливо пожала плечами.

– А теперь вернемся к нашим баранам. Кто-нибудь обратил внимание на материал? Геля?

Я вздрогнула:

– Что?

– Из каких элементов состоит композиция «Проснись»? – нетерпеливо спросила Антонина.

– Ну... вода.

– Еще?

– Пещера.

– То есть – земля. Дальше.

– Свет, – напрягшись, выдала я. – Искусственный и дневной.

– Отлично, – кивнула Антонина.

– Воздух!

– Замысел и воля автора, – встрял Иван, не желая отдавать мне все лавры.

– Помолчи, – оборвала его Антонина. – Итак, земля, вода, воздух, свет. Пока хватит. Как мы называем все это вместе?

На это обобщение моего интеллекта не хватило.

– Материя, – подсказала темноволосая девушка.

– *Материя*, – повторила Антонина. – Прислушайтесь к этому слову.

С полминуты в мастерской было тихо. Погодина украдкой зевнула.

– Во всех древних философских системах считали, что материя едина. Запомните это, пожалуйста. Однако те же самые древние мудрецы делили ее на первоэлементы, – начала Антонина. – Геля перечислила их. Вода, земля, воздух и источник света – огонь. Некоторые вносили и пятый элемент. Его называли по-разному – жизнь, воля, дух...

– Любовь, – буркнула Погодина. – В том фильме была любовь.

– Неважно. Итак, четыре элемента и, как справедливо сказал Иван, замысел и воля автора. Это база, – сурово сказала Антонина, смотря мне в глаза. – С этим мы здесь работаем. Ты возразишь, что в мастерской реальности все то же самое. Да, детишек со способностями к Чистому Творчеству немало. Но перейти от примитивных упражнений к осознанному мастерству способны единицы. И знаешь почему?

– Нет, – испуганно ответила я.

– Из-за отсутствия того самого пятого элемента. Есть два качества, без которых самый талантливый реалист никогда не станет мастером. Не имеющие ни малейшего отношения к творческим способностям. Это целеустремленность и ответственность. У тебя, кстати, они в зачаточном состоянии.

Иван и Погодина захихикали.

– А у вас их вообще нет! – рявкнула Антонина. – Впрочем, эти качества не свойственны людям вообще и детям в частности, – смягчилась она. – Геля, слушай меня внимательно. Наш курс экспериментальный, открылся он всего несколько месяцев назад. Поступая на него, ты получаешь большие возможности. Никто из нас, в том числе и я, не знает, насколько они велики. Но огромные возможности – это огромная ответственность. Почему? Мы только что говорили о пяти элементах, пяти вечных энергиях. Мы не можем и не пытаемся их менять. Мы постигаем их, приспосабливаемся к ним и используем в своих целях. Но эти цели не должны противоречить законам существования материи. Если мы будем поступать вразрез с ее законами, наши усилия окажутся в лучшем случае бесплодными, а в худшем – гибельными, в первую очередь для нас самих. Маленьким детям запрещают совать пальцы в розетку, просто говоря – нельзя. Тем, кто постарше, нужны объяснения, пусть примитивные, но убедительные. Я поступаю так же. На отделении реальности я просто говорила «нельзя». Теперь я поясню: «Нельзя, потому что иначе погибнешь...»

Я покосилась на соучеников, пытаюсь понять, всерьез она или нет. Лица у всех были непроницаемые. Антонина, пронзив меня колючим взглядом, отдельно произнесла:

– Словом, правила просты. Вне училища мы не творим. Язык не распускаем. Если не хотим лишиться дара, здоровья и жизни.

– Ой, запугала до смерти! – пробормотала я, когда она отошла.

– Она не пугала, – расслышав мои слова, тихо сказала темноволосая девушка. – Она констатировала факт: творить мы можем только в училище. А в других местах...

– Как меня раздражает это вечное шипение за спиной, сил нет! – рявкнула Антонина, круто разворачиваясь к нам. – Если не наговорились, марш на улицу!

Я мигом сделала подхалимское лицо. Девушка прервалась на полуслове.

– То-то же, – кивнула Антонина. – Итак, замолчали, сосредоточились. Тема сегодняшнего занятия...

ГЛАВА 4

Геля создает мир своей мечты и попадает в неприятности

Я вошел через дверь природы; ее свет освещал мой путь.
Ф. Гартман

Вот так я и стала учиться демиургии. Наверно, это действительно круто. Мы – избранные, элита. Ведь, даже если прикинуть чисто статистически, в художественном училище больше шестисот человек. В двух группах мастеров иллюзии и реальности – около пятидесяти учеников. А нас всего четверо!

Остальные либо уходят после общего курса, либо дальше учатся традиционным искусствам, наравне с прочими общеобразовательными предметами, по урезанной программе. Например, моя подруга Маринка собирается пойти в училище Рериха, на дизайнера по интерьерам. Разве плохо – зарабатывать на жизнь собственным творчеством? А мастер реальности, как мне всегда казалось, это что-то вроде скульптора-монументалиста: ни заказов, ни доходов, плюс постоянные мозоли на руках и при этом сознание, что твой адский труд по большому счету никому не нужен. Но мама говорит, что если есть талант, то надо его развивать, а то Бог накажет. Антонина тоже неоднократно пугала нас, что те, кто уходит из училища, очень быстро теряют дар и потом всю жизнь мучаются, вспоминая об утраченных возможностях. Это мы еще посмотрим, думала я. Поучусь пока на мастера реальности, а там видно будет.

Но демиургия – это совершенно другое дело. Антонина называет ее «синтетическим искусством» – не от синтетики, разумеется, а от синтеза. Она даже не колдовство, она неизмеримо выше. Она... честно говоря, я и сама не знаю, что это такое и куда меня занесли попытки вспомнить, как выглядит кустик саксаула. Но от гордости за свою избранность все равно распирает.

Сто раз я спрашивала Антонину, что такое демиургия, но она ничего не хочет объяснять. Все, говорит, предельно просто. Как совершается Чистое Творчество, со временем обязательно узнаешь. Ну а пока не пытайся уподобиться сороконожке из известной сказки, которая задумалась, как ей удастся ходить на сорока ногах. Можешь творить – твори и ни о чем не думай. Не все ли тебе равно, из чего и что создавать? Суть-то не в этом! Считай, говорит, демиургию творчеством в чистом виде, а больше тебе знать не надо.

В общем, никакой теории, одни ограничения. На первом занятии мне были преподаны два правила. Одно – строжайшее запрещение заниматься демиургией за пределами училища. Второе – молчание, молчание и еще раз молчание.

Итак, в мастерской нас четверо. Катя Погодина, Эзергиль, Иван и я. Народ подобрался, прямо скажем, своеобразный. Расскажу обо всех по порядку.

Катя Погодина лично у меня никаких симпатий не вызывает. Да ее никто не любит. А за что любить? Во-первых, она вся в отца: считает, что ей все по жизни должны и обязаны. С людьми общается строго по иерархии – чем выше статус человека (с ее точки зрения), тем Погодина приветливее. А выше ее в нашем училище разве что директор, да и то под сомнением. Антонине она в глаза не хамит – опасно для здоровья, остальные же учителя ее на дух не переносят и, по-моему, даже побаиваются. Подруг у нее в училище, понятное дело, нет. Единственный человек, который в состоянии с ней общаться, это Эзергиль. Но о ней речь пойдет позже.

Мое появление в группе Катька восприняла как личное оскорбление. Сначала были нарочито удивленные взгляды типа: «А это что у нас такое завелось?» Потом начались наезды. Погодина не упускала ни единой возможности поиздеваться надо мной, надеясь, вероятно, что я сбегу из группы сама. Я поначалу только дивилась, принимая беспричинные нападки Пого-

диной за местную форму дедовщины. Потом мне это надоело, и я пожаловалась Антонине. Преподавательница вызвала Катю в свою каморку для разборок. Сквозь неплотно закрытую дверь до меня периодически доносились гневные реплики Погодиной: «Да кто она такая? Вы понимаете, что это позор для нашей студии? Ее же вообще едва не выгнали в том году – я узнавала! Вам придется отчитаться перед педсоветом, по какому праву вы ее к себе взяли!» Уж не знаю, что ей на это ответила Антонина, но с тех пор Катя оставила меня в покое. Точнее, мы вообще перестали разговаривать. Думаю, это для нас оптимальная форма сосуществования.

Вторая ученица Антонины – Эзергиль – существо куда более интересное и загадочное, чем стервозная зазнайка Погодина. Для меня особенно, поскольку с ее именем связаны важные для меня воспоминания детства. Когда я училась в первом классе самой обычной школы, в музыкальном зале устроили выставку работ художественного училища. Организацией этой выставки занималась, кстати, все та же Антонина. Сейчас я думаю, это было формой скрытой агитации, типа акции по переманиванию способных учеников.

О работах ничего сказать не могу – они не произвели на меня впечатления, от искусства я тогда была далека. Но на одной из рамок была подпись – «Эзергиль». Меня она проняла до самых печенок, можно сказать, что-то перевернула в прежде младенчески безмятежной душе. Несколько дней подряд я на каждой перемене бегала к выставочным стендам, стояла, вперяя глазами в подпись, и думала, думала. Учителя, вероятно, полагали, что я потрясена детским творчеством, но дело, как я уже сказала, было не в этом. Меня привлекали красота и тайна сочетания этих восьми букв. Что означает «Эзергиль»? Имя? Фамилия? Название работы? Что-то еще? Даже произносить это слово было вкусно. От него веяло колдовством. Нет, думала я, не может быть у обычного человека такого невероятно красивого имени. Я не могла поверить в существование загадочного Эзергиля (или загадочной Эзергили) и уж тем более допустить не могла, что когда-нибудь с этим существом встречу. Ан нет, не угадала. В жизни еще и не то бывает.

Выглядит Эзергиль лет на семнадцать. Точнее, выглядит она, как хочет. Где учится, никому не говорит, но точно не в нашем училище. К Антонине ходит не первый год. Меняет свою внешность почти каждый день, относясь к ней как к произведению искусства. Но у нее есть пристрастия: например, к белой одежде спортивного фасона, черным длинным волосам, перламутровому лаку для ногтей и боди-арту. Двигается легко и красиво, как танцовщица. Парни от нее без ума, и она их меняет каждую неделю. Всегда веселая, приветливая и уравновешенная. Единственный минус – уж больно сама по себе, какая-то отстраненная.

Мне она сначала ужасно понравилась: я вспомнила подпись к картине, решила, что это судьба, объявила Эзергиль своим идеалом и захотела немедленно стать ее лучшей подругой. Однако ничего не вышло. Казалось, Эзергиль ничто в мире не интересует, в том числе и моя персона. Я делала шаг вперед, а она, вежливо и непринужденно, шаг назад. Ну и ладно, подумала я, тоже мне, вещь в себе, и даже не обиделась – разве можно на нее обижаться? Только любоваться издали. Такая уж она есть.

А вот с Иваном у меня сложились отличные отношения. Причин тому несколько: он почти мой ровесник и по поведению самый обычный парень, в отличие от спесивой Катки и загадочной Эзергили. С первого взгляда его можно принять за классического ботаника. Он молчаливый, начитанный, старательный и последовательный. Реагирует на все как-то замедленно; если погружен в работу, то уж целиком, и не докричаться до него никакими силами. Но я довольно быстро раскусила его. Никакой он не ботаник – просто ему интересно то, что другие не видят, и притом он гораздо умнее остальных. И, как у любого умного парня, тараканы у него в голове тоже специфические...

Как-то я пришла в мастерскую раньше времени и разговорилась с ним, чтобы чем-то время занять – начала расспрашивать об Антонине, о девчонках... Иван отвечал в своей

манере – вяло и замедленно, явно стараясь отделаться от меня – пока речь не зашла о нашем обучении демиургии. Тут он внезапно разгорячился – должно быть, я задела болезненную тему.

– Конструирование реальности здесь поставлено отвратительно! Наш единственный метод – плутать в потемках, – возмущался он. – И все потому, что никто ничего толком не знает. Да и методики как таковой просто нет. Мы учимся, как подмастерья у какого-нибудь средневекового церковного художника. Мастер намечает контуры, мы раскрашиваем. Мастер надевает деревянные крылья на ребенка и говорит: «Рисуйте ангела». Мастер ставит перед нами свою картину и говорит: «Сделайте копию, а лучше несколько, пока не получится в точности, как у меня». И никакой теории, как будто философия и механика искусства стоят на месте!

– Но так все учатся, – возражала я. – Загляни к живописцам или скульпторам. Да ты разве не помнишь начальный курс? Везде то же, что и у нас. Помнишь девиз: «Учимся у природы»?

– В том-то и дело! – свирепо восклицал Иван. – То, о чем ты сейчас говорила – учиться у природы, – основной принцип для обычного художника. Но для мастера реальности это самый бездарный и примитивный метод из всех возможных...

– Это же не я, это над дверями написано! – защищалась я. – Думаешь, меня это радует? Я бы с удовольствием создала мир по собственным законам, как мне нравится, но разве Антонина позволит?

– Да не о том речь, – отмахнулся Иван. – Зачем создавать все эти бесконечные модели, которые на самом деле – повторение одной, самой первой? Вот ее-то и надо изучать! Все силы на это бросить, и мы за месяц добьемся большего, чем за все время существования нашей студии.

– Не поняла? – действительно не поняла я. – Что за первая модель?

– «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста... и Дух Божий носился над водою...» – с легким вызовом процитировал Иван. – Единственная известная нам работающая модель. Плохо ли, хорошо – другой вопрос.

Я посмотрела в горящие глаза Ивана, и в душу мне закралось подозрение.

– Ты что, предлагаешь нам здесь Библию изучать? Ты случайно не сектант?

Иван выразительно посмотрел на меня, взглядом дав понять, что он обо мне думает.

– В отличие от прочих собравшихся здесь личностей со способностями к демиургии, я умею мыслить, – холодно произнес он. – Анализировать и делать выводы. Вы можете сколько угодно копировать вид за окном. Или населять крылатыми кентаврами лавровишневые леса. Я реконструирую модель мира в целом. Посмотри сюда.

Он подошел к верстаку и очертил ладонями невидимую полусферу. Под его руками воздух завибрировал, стал синеватым и светящимся, и на поверхности верстака что-то зашевелилось.

– Ой, какая прелесть! – воскликнула я, когда разглядела, что находилось в этой синей полусфере. А был там целый мир, словно фотография земли из космоса, только живая, яркая и подвижная. Этакая кукольная планетка.

– Так-то! – гордо заметил Иван. – Вот пример серьезного комплексного подхода к проблеме. А то некоторые создадут пустыню, потом стоят посреди нее и думают – куда это меня занесло? И как отсюда выбираться?

– Я теперь поняла, чего ты хочешь. Сначала – как там? – небо и землю, потом свет и тьму, потом зверей...

– И на седьмой день человека, – кивнул Иван. – Самая простая и проверенная из возможных схем.

– То есть ты, типа, Бог?

– А то кто же?

Я была поражена: оказывается, Катькино самомнение – сущая мелочь по сравнению с манией величия, которой страдал Иван.

– Что, и я Бог? Иван надменно усмехнулся:

– Ты пока нет. Так, некрупный начинающий демон.

Я расхохоталась, почему-то чувствуя себя польщенной.

– На самом деле, мы все тут начинающие боги, – с полной серьезностью добавил Иван. –

И к этому надо относиться ответственно. Не тратить времени на ерунду.

– А эта твоя сфера и все, что в ней, – оно настоящее? То есть реальное?

– Разумеется, – пожал плечами Иван. – Уж реальность-то от иллюзии я отличу.

– А... – В голове у меня теснились вопросы. – Ты так и пойдешь по тексту Библии, да? Райский сад, Адам и Ева? Чего там еще... забыла...

– Ну да. Фантазировать не вижу смысла. Схема передо мной, со всеми ее недочетами и перегибами. Думаю, я смогу избежать большинства проколов ее автора, если правильно расставлю акценты и не буду создавать провоцирующих ситуаций.

Я покосилась на планетку в синей сфере, и неожиданно моя душа преисполнилась глубоким сочувствием к ее будущим обитателям.

– Хочешь создать рай на земле, что ли? Идея не новая. Я бы даже сказала, извини, банальная. И ничем хорошим это не кончится.

– Понимаешь, – задумчиво сказал Иван, – я не единожды читал Ветхий Завет, и мне совершенно ясно, что главный фактор, не дающий людям жить спокойно и счастливо, – вмешательство свыше. Это все равно, как если бы ты сочинила симфонию, а во время концерта непрерывно останавливала бы то одного, то другого музыканта и говорила: «Играй по-другому» – или вообще гнала бы его, чтобы посмотреть, как остальные выкрутятся. А потом бы еще и злилась, что все получается не так, как задумано. Весь-то фокус в том, что наш мир создан вовсе не для того, чтобы людям жилось здесь спокойно и счастливо, а для совершенно других, неизвестных нам целей. Может, чтобы проверить нас на живучесть, я не знаю. Мой же мир будет изначально создан для блага его обитателей. В этом оригинальность моей идеи.

– А Антонина что говорит? – поинтересовалась я. – Нам ведь вроде нельзя пока творить живые существа?

– У меня ее персональное разрешение, – надменно ответил Иван. – Я пришел к ней с этим проектом и сказал, что если мне не позволят его воплощать, то я поищу другую мастерскую. И ей ничего не оставалось, как согласиться. Знаешь, будущими мастерами моего уровня не швыряются.

Я призадумалась. В этой ситуации крылся какой-то подвох. Такое смиренное поведение было явно не в стиле Антонины. В мастерскую Иван пришел с курса мастеров реальности, где ничем не прославился. На общих занятиях по демиургии Иван ничего выдающегося тоже пока не сотворил: по слухам, его работы были гораздо слабее Катькиных, не говоря уж о работах Эзергили. И именитых родственников у него вроде не было. Почему же он настолько легко и быстро добился такой существенной уступки?

– Ладно, как знаешь, – сказала я. – В любом случае, интересно, что у тебя выйдет.

Вот такие мы, ученики. А теперь расскажу вкратце о доменах. Потому что домен для демиурга, как ракушка для улитки, – по отдельности они существовать не могут. Только я одна, как слизень, так и хожу без домена и не особенно рвусь его заиметь. А почему, станет ясно из моего рассказа.

Создание домена было темой первого урока демиургии, на котором мне довелось присутствовать. Как я узнала впоследствии, лекция о доменах проводилась специально для Ивана. Остальные могли послушать и принять к сведению, а мне так и вообще было рано все это знать. Но такой уж здесь принцип обучения – программа общая, но каждый идет в своем темпе и выбирает, что ему нужно.

Домен – это личное владение демиурга, его собственный мир, в котором он – Бог-творец и дух места. Как рассказывала Антонина, миров можно наплодить сотни, но доменом будет только один. Его особенность в том, что он как-то связан с творцом, на глубинно-личностном уровне, и эта связь чуть ли не обратная. Как, например, у дриады: срубишь дерево – погибнет дриада, убьешь дриаду – засохнет дерево. Как я поняла, создаешь пространство как бы из себя. То, что называется «вкладывать душу», только в буквальном смысле.

Работать над доменом надо вдумчиво и постоянно. То есть моя кислотная пустыня – никакой не домен, а так, как выразилась Антонина, «недержание подсознания». И еще – у демиурга домен должен быть обязательно. Он для него база, шлюз для дальнейшего проникновения в тайны материи и творчества. В чужой домен постороннему можно попасть только с позволения владельца. (На этом месте Эзергиль скорчила хитрую гримасу и подмигнула Погодиной, а Катька незаметно ущипнула ее за ногу, смотря на Антонину лживо-преданным взглядом.) А там, внутри, каждый волен творить все, что захочет. Но не людей.

Посреди лекции к нам заглянула мелкая девчонка и сообщила, что Антонину зовут к директору. Она вышла, и разговор сразу оживился. Погодина спросила Ивана, как он назовет свое владение, а когда он с важностью сообщил: «Ойкумена» – тут же переделала Ойкумену в «Ванькину домену». Я вцепилась в Эзергиль с расспросами, однако узнала мало интересного. Про свой домен Эзергиль рассказывать отказалась, при словах «домен Антонины» расправила плечи и загадочно улыбнулась. Насчет Катькиного владения сказала, что оно называется «Дом Эшеров», что место это мрачное и опасное, и лучше туда без приглашения не соваться.

– Готический замок, что ты хочешь? В подвале Франкенштейн, на чердаке Дракула, а в башне Погодина занимается черной магией при полной луне.

– Как романтично! – вздохнула я.

– А оборотня в парке встретить не хочешь? Говорят, они у нее водятся.

– Разве он может мне что-то сделать? – усомнилась я. – Разве что напугать. Он же ненастоящий.

– Как – ненастоящий? – изумленно взглянула на меня Эзергиль. – Чем мы тут, по-твоему, занимаемся? Ненастоящие по средам, в двенадцатом кабинете, на спецкурсе миражей. Подойди-ка к Катьке и скажи, что ее оборотень ненастоящий...

– Ась? – повернулась к нам Погодина, глядя на меня с нехорошим любопытством. – Девушка хочет увидеть оборотня? Это мы устроим...

– Не соглашайся, – быстро сказала Эзергиль. – Сожрет он тебя с потрохами и не подавится. И следов не найдут. Поэтому-то в чужие домены и нельзя соваться без разрешения хозяина. В каждом мире – свои законы.

Я пожала плечами. Честно говоря, не верилось, но и экспериментировать пока не хотелось. Но тем не менее все это было дико увлекательно. Да, кажется, спецкурс Д оказался стоящей штукой!

– Мне тоже хочется свой домен, – заявила я, решив сменить тему.

Погодина и Эзергиль переглянулись и обидно рассмеялись.

– Это будет сосновый лес, – торопливо продолжила я, не дожидаясь комментариев. – Такой древний, чтобы самые древнейшие чащи казались рядом с ним молодыми лесопосадками. И чтобы со всех деревьев мох свисал, а под корнями можно было пройти, не нагибаясь. Почва – розовый песок. Грибы там будут повсюду расти здоровенные: зеленые, голубые и коричневые с золотыми крапинками.

– Мухоморы? – с интересом спросил Иван.

– Еще там будут жить большие пауки. Такие все мохнатенькие...

– Белые и пушистые, – подхватила Эзергиль.

– ...Нет, бежевые с розовыми коготками, и у каждого на спинке будет узор в виде черного глаза. И паутина такая перламутровая, целые волейбольные сетки высоко между соснами, а на солнце она будет сверкать золотыми каплями...

– Ядовитые пауки-то? – опять встрял Иван.

– Смертельно, – подумав, сказала я. – Укушенный начинает переваривать сам себя и умирает в страшных муках. Но меня они кусать не будут. Меня они будут любить, тереться спинками и курлыкать...

Погодина что-то прошептала на ухо своей соседке. Эзергиль почесала в затылке и задумалась. Катька опять принялась шептать. «Давай я!» – расслышала я. «А я говорю, не надо!» – «Такой порядок!» – «Кто угодно, только не ты». – «Тогда сама».

Иван наострил уши и пересел поближе. Я замолчала.

– Ты болтай, болтай, – подбодрила меня Катька. – Мы слушаем.

Я слегка обиделась, но продолжала, поскольку мысли еще теснились у меня в голове и надо было от них избавиться:

– Там будут необыкновенные закаты. Вот у меня дома в окне солнце заходит так, как будто весь мир сжигает напоследок, и вгоняет меня в ужасную депрессию. А в моем домене лучи заходящего солнца будут... как сказать?... преображающими. Каждый закат будет казаться концом мира, а каждое утро мир будет рождаться заново.

– Ничего, живописно, – одобрила Эзергиль. – А что-нибудь еще там будет, кроме закатов, пауков и мухоморов?

– Я пока не придумала. Не все же сразу. Хотя вот еще: ручьи с радужной водой.

– Почему радужной? От солянки, что ли? – съязвила Погодина.

– Нет, они генерируют радугу, – принялась фантазировать я. – При ударе молнии в воду возникает вертикальный канал...

– Ну, завралась! – прокомментировал Иван, отползая на прежнее место.

Эзергиль положила ему руку на плечо и вернула обратно.

– Геля, действительно, хватит болтать. Переходи к делу.

– В смысле?

– Покажи нам домен-то! Я растерялась.

– Это же просто фантазии...

– В этой мастерской, – наставительно произнесла она, – просто фантазий не бывает. Каждая твоя осознанная мысль вызывает изменения реальности. Ты еще не въехала?

Я глубоко задумалась, но так и не поняла, чего от меня хочет Эзергиль. Погодина и Иван выжидающе смотрели на меня, как будто я должна была что-то сделать прямо сейчас.

– Короче, в лес когда пойдем? – нетерпеливо спросил Иван. – Я хочу набрать мухоморов с золотыми пятнышками.

– А я хочу посмотреть на пауков, которые трутся спинками и курлычут, – сообщила Погодина. – Вот мой оборотень почему-то не хочет проявлять ко мне нежность, сколько я над ним ни бьюсь...

– Что мне делать-то? – спросила я, обращаясь к Эзергиль.

Она только плечами пожала.

– Ты сама должна знать. Я не поняла, ты как очутилась на спецкурсе демиургии, если не знаешь базовых вещей?

Я почувствовала, что вот-вот впаду в отчаяние. Действительно, болтать несложно, но откуда я возьму настоящий лес? Даже чтобы создать какую-нибудь тварь в мастерской реальности, мне надо было представить ее во всех подробностях, включая внешний вид, анатомическое строение, привычки и характер; надо было знать, чем она питается, какой образ жизни ведет, и нет ли у нее аллергии на хлорку, которой в мастерской моют полы. А если целый лес, со всеми зверями, растениями и минералами! Да это работы на год. Тут мне пришла в голову

неплохая мысль: не создавать лес с нуля, а представить, что он уже где-то есть, и входить в него постепенно, как человек идет по тропинке. Где-то внутри зашевелилось ощущение, что такой способ может сработать. Я восстановила в памяти образ – первый, самый яркий, с которого все началось: три гигантские сосны, освещенные малиновыми лучами заходящего солнца, растут на скалистой гряде. Между переплетенными корнями петляет тропинка. Семейство разноцветных грибов источает пряный дурманящий запах. С ветки на ветку перепорхнул бежевый паук, выпуская из себя золотистую нить будущей паутины...

– Пошли, – приглушенно сказала я, направляясь к выходу из мастерской.

Демиурги толпой двинулись за мной. Я распахнула дверь. Все-таки до последнего момента я опасалась, что у меня ничего не получится. Но за дверью был он – мой лес. Стройные сосны в густой паутине, багровое небо, стрелы заката.

– Чего застряла? Дай и другим посмотреть. – И Погодина спихнула меня с крыльца.

– Это неправильный лес!

Мы с Эзергиль стояли на повороте тропинки.

Иван шуршал в кустах в поисках грибов, Погодина убежала куда-то вперед в погоне за взъерошенным нервным пауком. Эзергиль стояла и разглядывала сосны с таким видом, будто ее ничто не интересует.

– Я говорю, лес не тот!

– Как не тот? – лениво переспросила Эзергиль. – А какой?

– Чужой. Я все представляла... не совсем так. Сосны должны быть кряжистые, а не стоять стеной. Потом, оттенок неба. И вообще, это место мне незнакомо.

– Приехали! – Иван вылез из кустов с куском сине-зеленой грибной шляпки в руках. Из слова капало нечто неприятно похожее на венозную кровь. – А как мы отсюда выбираться будем?

– Через дверь, – не подумав, ляпнула я. Иван заржал и снова ушел в кусты. Оттуда донесся треск и подозрительное чавканье.

– Действительно, выход не продуман, – заметила Эзергиль, – и вообще ничто не продумано. Это тебе еще аукнется. Причем в ближайшем будущем.

– Что теперь делать? – всерьез заволновалась я.

– Не знаю. Твой же лес, – хладнокровно сказала Эзергиль. – Но обрати внимание, что солнце скоро зайдет. Или у тебя страна вечного заката?

– Нет, – нервно ответила я, оглядываясь по сторонам. И впрямь, темнело в лесу буквально на глазах. Куда же делась Погодина, подумалось вдруг мне.

– А пауки твои, – продолжала Эзергиль, – они только тебе курлычут или всем, кто с тобой приходит? Кстати, чем они обычно питаются?

– Кого поймают, тем и питаются, – буркнула я. – Куда эту темненькую, в смысле Погодину, унесло? Давай покричим, вдруг она заблудилась!

Мы немного поорали, но отклика не дождались, только из кустов вылез Иван. Я с ужасом увидела, что он ест гриб.

– Съедобный? – быстро спросила Эзергиль, перехватив мой взгляд.

– Не знаю, – с трудом произнесла я.

– А кто знает? – укоризненно сказала Эзергиль. – Иван, у тебя голова на плечах есть или как?

– Не смог удержаться, – промямлил Иван, дожевывая шляпку. – Пахнет так, что перестаешь соображать напрочь. А на вкус, между прочим, как картон.

– Так зачем ты его лопаешь?!

– Остановиться не могу.

– А как вообще? Живот не заболел?

– Пока нет. Только пить очень хочется.

– Поищем воду? – предложила Эзергиль. – Полагаю, нам тут предстоит заночевать.

– Только не это! – категорически заявила я. – Будем искать выход. Давайте для начала пойдем вперед по тропинке. Может, встретим Погодину, а то я за нее начинаю переживать.

Втайне я надеялась все-таки найти то место с тремя соснами. Мне думалось, что стоит там оказаться, как все наши проблемы сразу решатся. Я уже и сама не рада была, что придумала этот волшебный лес. Что-то мне подсказывало, что он себя еще покажет.

За поворотом ничего не изменилось: все те же корабельные сосны стеной по обе стороны тропы. Закат почти догорел, только в верхушках сосен отсвечивали зловещие малиновые блики. Под деревьями было уже так темно, что мы начали терять тропинку. Но вскоре я с удивлением заметила на земле светящиеся салатные пятна: это флуоресцировали грибы. Подняв голову, я обнаружила, что паутина тоже наливается розовым светом. Зрелище было красивое и страшноватое.

– Я этого не создавала, – вслух подумала я.

– Еще как создавала! – возразила Эзергиль. – Когда не утруждаешь себя детальным продумыванием жизненного пространства и пускаешь все на самотек, то из подсознания вылезают такие штуки, что нарочно не придумаешь.

– Пить хочу, – жалобно сказал Иван.

– Куда ты завел нас, Сусанин-герой? Отстаньте, заразы, я сам тут впервой! – процитировала Эзергиль. – Ну, где обещанный ручей с радужной водой?

Я молча прибавила шаг. Паутина освещала лес жутким холодно-розовым цветом. В подлеске кто-то шуршал и клацал зубами. «Мы выйдем к трем соснам! – повторяла я себе как заклинание. – А я говорю, выйдем!»

– Отрежем, отрежем Сусанину ногу! – изгалялась Эзергиль. – Не надо, не надо, я вспомнил дорогу!

– Тихо! – остановилась я. – Слышите – там, впереди?

Лес наполнился скрипом и шорохом, как будто ветер зашелестел в колючих кустах. Из отливающей малиновым темноты выкатился черный ком, за ним второй, третий... Пауки! Словно подчиняясь беззвучному зову, они со всех ног стремились к одной точке пространства. Когда первый паук вышел на финишную прямую, я запоздало сообразила, что этой точкой была я.

– Пошли вон!

Мой жалобный возглас пропал впустую. Пауки льнули к моим ногам, как лучшие друзья после долгой разлуки, уже не чаявшие встречи. Они терлись об меня и вовсю курлыкали, пихаясь и плюясь друг на друга ядом. Самые преданные ловко взобрались мне на плечи, обняли за шею всеми своими мохнатыми лапами и замерли, нежась.

– Эзергиль, – прошептала я, стараясь не дышать. – Сними их с меня!

Компания, стоя в отдалении, давилась от хохота.

– Я бы с радостью, да вот боюсь, покусают, – ответила Эзергиль сквозь смех. – А себя переваривать как-то неэстетично...

– Это определенно любовь! – комментировала невесть откуда взявшаяся Погодина. – Ой, смотрите, на голову полез! Гнездо вьет!

– Гелька, не тушуйся, – усмехаясь, советовал Иван. – Почеши спинку вон тому большому, с красными глазами, а то он, по-моему, недоволен – как бы кусаться не начал...

Я переминалась с ноги на ногу, пытаюсь сохранить равновесие в толпе мохнатых тварей. Паук, угнездившийся у меня на голове, свесил лапы и окончательно загородил мне обзор.

– Да помогите же! Ах, сволочи!

– Это к кому относится? Надеюсь, к паукам? – услышала я голос Погодиной. – Нет уж, дорогуша, сама бреда собачьего нагородила, сама и выпутывайся. Пошли, ребята?

Голос Эзергили прозвучал неразборчиво – кажется, она возражала.

– Что тебя смущает? – Катька искренне удивилась. – Ты же видишь, что она ноль. Пусть на своей шкуре прочувствует, каково это – творить миры. Может, сделает правильные выводы. А то всякие стремятся пролезть туда, где им в принципе не положено... Ай! Черт! Что вы ржете, паразиты?

Из-за паучьих лап мне было не видно, что там произошло, но любопытство разобрало меня до такой степени, что я почти не дрогнувшей рукой сняла с головы паука и посадила его на землю.

В паре метров от меня стояла Катька, держа руку на отлете и глядя на нее с испугом и отвращением. На руке, вцепившись когтями и зубами, висел мохнатый бежевый паук и мрачно поглядывал на нас блестящими серебристыми глазками.

– Вот гад... подкрался и прыгнул, – пробормотала Погодина. – Ну же, отцепите его от меня.

Эзергиль покачала головой:

– Не иначе как за хозяйку вступился. Ну, готовься, подруга, к неприятным ощущениям в области желудка. Покажи-ка зверя. Надо же, как впиявился! Ванька, надо его снять, что ли.

Иван молча шарахнулся от злобной твари.

– Тогда ты, Гелька.

Вместо ответа я мстительно расхохоталась.

– Ты сама говорила, что они тебя любят, – с укором сказал Иван. – Так докажи.

– Еще чего, – с вызовом сказала я. – Если она такая крутая, так пусть сама и выпутывается из моего собачьего бреда.

Эзергиль вздохнула и с неохотой протянула руку, чтобы взять паука за шкурку. Хищный выродок тут же отпустил Катьку, подпрыгнул, лязгнул зубами и попытался вцепиться ей в ладонь. Она едва успела отскочить. Паук, промахнувшись, шлепнулся на землю. Тут подоспел Иван и поддал паука ногой, как мяч. Паук с писком улетел в заросли грибов.

– Фу! – вздохнул Иван. – Отделались. Господи, пить-то как хочется! В горло как песку насыпали.

– Мне плохо, – умирающим голосом сообщила Погодина, оседая на землю.

– Надо уходить, – озабоченно сказала Эзергиль. – Судя по светящейся паутине, эти твари охотятся по ночам.

Я вцепилась себе в волосы, распахивая ногами пауков. Они обиженно пищали и не расходились. Мысленно я уже дала зарок поставить крест на демиургии, если выберусь из своего домена живой.

– Эзергиль! – воззвала я в отчаянии. – Спасай! Как выходят из домена?

– Ты правильно сказала – через дверь.

– Где же тут дверь?!

Эзергиль засмеялась. Должно быть, мне показалось в полутьме, подумала я. Как можно смеяться, когда рядом умирает от жажды Иван и сама себя переваривает Погодина? Что за душевная черствость?

– Есть такие двери, в которые выходят только один раз. Кстати, их большинство, – сказала Эзергиль. – Следовательно, когда создаешь мир, первое, что надо обеспечить, – удобный и безопасный выход. Эй, Катька, хватит умирать. Паук был не ядовитый.

Распластавшаяся на тропе Катька издала стон и приподнялась.

– Я вам это еще припомню, – пообещала она. – Со мной такие шутки даром не проходят. Блин, как рука-то болит!

– И поделом, – пробормотала я. – Мало тебя покусали.

– Если бы ты в самом деле умудрилась создать домен, мы бы тут все к утру скончались, – насмешливо заявил Иван, помогая Катьке подняться.

Тут до меня дошло. Ух как я разозлилась!

– Вы разыграли меня, паразиты! Лес ненастоящий! Так я и думала – что-то здесь неправильно...

– Лес настоящий, – возразила Эзергиль. – Я сделала эту модельку по твоему описанию. Кое-что, конечно, поменяла. Пауки неядовитые, грибы тоже. Будь ты поопытнее, сразу догадалась бы, в чем дело.

– Это, типа, посвящение в ученики, – добавил Иван. – Чтобы на своей шкуре прочувствовала, что такое демиургия. Было очень прикольно понаблюдать, как ты мечешься...

– Сейчас ты начнешь метаться! – пригрозила я, оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь тяжелого.

– Эй, ребята, – окликнула нас Эзергиль. – Отвлекитесь, дело еще не закончено. Геля, ты хочешь узнать, как выходить из домена, или нет? Тогда слушай. Сначала запоминаем место входа – это самое важное. Дверь там, но поскольку она открывается только в одну сторону, ее не видно. Наша задача – сделать ее двухсторонней. Для этого представляем, как дверь выглядит снаружи, как можно подробнее, пока она не станет реальной. А потом выходим.

– Все это хорошо, – кивнула я. – Но я не помню, где мы зашли.

– Я-то помню, – снисходительно сказала Эзергиль. – Разворачиваемся обратно.

Мы шли по тропинке под навесом из светящейся паутины. Далеко в небе виднелись необычные созвездия, в лесу то там, то сям вспыхивали чьи-то глаза. Но я уже не боялась. Волшебный лес расколдовали, он стал безопасным и неинтересным. «Когда буду создавать домен, придумаю что-нибудь другое», – решила я.

За очередным поворотом моим глазам открылось диковинное зрелище: среди темного леса, на неведь откуда появившейся полянке стояла наша художка. В окнах горел свет и мелькали чьи-то тени.

– И что теперь? – спросила я на всякий случай.

– Чего-чего, – удивилась Эзергиль. – Пошли в мастерскую. Заберем сумки, одежду и по домам. А то поздно уже.

ГЛАВА 5

Лазербол и «Рагнарек»

Попадает DOOMер в ад, ему говорят:

«Ну, три последних желания?»

А он отвечает:

«Пушку, IDKFA,¹ IDDQD,² и держитесь, гады!!!»

Старинный геймерский анекдот

Моя первая попытка демиургии, несмотря на всю ее провальность, закончилось в общем благополучно – за одним неприятным исключением. Этим исключением была вполне реалистически прокушенная рука Погодиной. И хотя я в этом была абсолютно неповинна, Катька, как выяснилось впоследствии, затаила злобу именно на меня. И, дождавшись удобного случая, отплатила, как настоящий мастер Чистого Творчества, – аккуратно, изысканно и жестоко.

Так случилось, что вскоре после моего появления на спецкурсе Д отделение иллюзий охватило повальное увлечение лазерболом. О походе во Дворец молодежи, откуда поползла эта зараза, я узнала совершенно случайно. Моя лучшая подруга Маринка, с которой мы дружим с детского сада, как-то раз на перемене следила за очередным парнем своей мечты и нечаянно подслушала разговор компании иллюзионистов, с жаром этот самый поход обсуждавших. Если бы она оставила подслушанное при себе, и мне, и многим другим людям удалось бы избежать массы неприятностей. Но чтобы Маринка что-нибудь не разболтала «по секрету» всем окружающим, такого чуда в природе еще не случалось.

Началось, как водится, с ерунды: несколько парней сходили сыграть в этот самый лазербол во Дворец молодежи. Их вшестером провели в круглое «космическое» помещение, там они разделись до пояса, всем выдали бронежилеты, шлемы и бластеры и запустили в лабиринт. Устройство лабиринта, по словам Маринки, вызывало у иллюзионистов наибольший восторг: закоулки, тупики, темно и мрачно, повсюду дым, подсвеченный мелькающими разноцветными прожекторами, не видно ни фига, и музыка грохочет. На противоположных концах лабиринта находились «базы». Задача – прорваться в базу противника и расстрелять ее. Также засчитывается каждое попадание в шлем или бронежилет. Они там носились как угорелые минут сорок: кто-то кинулся на штурм базы, точно камикадзе, и тут же получил полный лазерный заряд в лоб, кто-то скрылся в засаде да так и просидел там всю игру, кто-то в лабиринте заблудился и долго орал: люди, где вы, убейте меня, пожалуйста!

Казалось бы, сходили и забыли. Но кому-то из иллюзионистов пришла в дурную голову мысль перенести аналог лазербола в коридоры училища. Несколько дней иллюзионисты носились на переменах, сшибая с ног тех, кто не успевал прижаться к стенке, и швырялись огненными шариками, которые с грохотом и сполохами взрывались при соприкосновении с жертвой. Это безобразие продолжалось дня три, пока огненным шаром нечаянно не залепили в самого Николаича. Директор озверел и приказал прикрыть веселье. Иллюзионистам ничего не осталось, как покориться. Больше шарики в училище не взрывались. Но самые внимательные, в том числе и я, заметили, что игра – втихомолку, тайком, в глубоком подполье – продолжается, и не только продолжается, но вроде бы даже эволюционирует.

Происходили, например, такие сцены. Весь поток – человек семьдесят – сидят в глубоком молчании и слушают лекцию, посвященную образу бизона в искусстве раннего мезолита. Вдруг какая-то девчонка, очень серьезная и старательная с виду, поднимает руку и делает

¹ Код бесконечных боеприпасов.

² Код бессмертия.

легкое метательное движение. В ту же секунду с передних парт доносится удивленный возглас, а потом – страшная брань. Взгляды всех присутствующих обращаются на чертыхающегося парня. На вид он целый и невредимый, но зол так, как будто его холодной водой из-за угла облили. Препод, разумеется, выгоняет его из аудитории. Парень, мрачно обводя глазами ряды, выходит. Из-за двери несется ругань. Развеселившийся народ перешептывается, гадая, в чем дело. Серьезная девочка и ухом не ведет, пишет себе конспект, только улыбается уголком рта.

Шли дни, напряжение росло. Иллюзионисты вели себя как заговорщики государственного масштаба, кучковались на переменах, обсуждали какие-то девайсы, сыпали совершенно непонятными именами и названиями и периодически вели себя неадекватно, сползая под парту посреди лекции, неожиданно замирая на месте или разражаясь воплями безо всякого повода. Изредка я краем уха ловила обрывки загадочных разговоров примерно такого содержания: «... Он кинулся на меня сзади, и я ударил его пяткой с разворота так, что чешуя во все стороны полетела, а другой тем временем подкрался и жвалами меня за ботинок – хап! Сразу сто очков минус. Ах ты, думаю, сука, у меня уже пар из ушей, а из-за тебя мне тут еще двадцать минут лишних рубиться?! И я его схватил за задние клешни – он пищит, жгучей слюной брызжет – и об стену, об стену!!!» Часто в разговорах мелькало таинственное слово «Рагнарек».

Я понятия не имела, что собой представляет эта новая игра, да и не интересовалась особо, пока однажды случайно не угодила прямо на ее финал – впрочем, скорее всего, никакой случайности в этом не было. Как-то раз, уже после занятий, я приехала сдавать хвост по черчению. Я шла себе по полутемному второму этажу, когда из-за угла выскочила девчонка с яркими черными глазами, судя по прикиду – иллюзионистка, но явно не первогодок. Господи, неужели опять лазербол, подумала я, привычно отступая к стенке. Пробежав метров десять, девчонка круто затормозила и оглянулась назад, переводя дыхание. Лицо у нее было предельно напряженное – чем не спринтер на последних секундах дистанции. Меня она как будто не видела. Из-за угла между тем появился парень. Так же бурно дыша, он вертел головой, сжимая в руке какой-то продолговатый черный предмет. «Да ведь он же не видит ее! – поняла я. – Он ее ищет и в упор не замечает!»

– Эй, Один! – неожиданно крикнула девчонка. Она стояла прямо напротив меня и, выкрикнув это странное имя, быстро сделала шаг влево, едва меня не толкнув. В ее руке появилось, словно из воздуха, такое же устройство, как у парня, – похожее на дистанционный пульт управления от телевизора, только почти без кнопок, а с одной стороны у него торчали под углом два металлических зуба.

Глаза «Одина» вспыхнули – он заметил ту, кого преследовал.

– На этот раз ты просчиталась, Скульд! – радостно завопил он и кинулся в атаку. – Сейчас я тебе дам пня! В рог закатаю!

Скульд застыла на месте, стараясь даже не дышать. Я постаралась последовать ее примеру: отчасти, чтобы не портить людям кайф, а отчасти – ради собственной безопасности. Кто их знает, чем они тут занимаются, а «пульта» мне и вовсе казались довольно-таки угрожающими.

Один пронесся мимо нас и затормозил метрах в двух позади. На его лице отражалась досада – он опять потерял противника. Лицо Скульд было напряженным и неподвижным, как будто она к чему-то прислушивалась. Она тоже не видит Одина, догадалась я. Что же это за игра такая? Магические прятки?

В этот момент Один совершил нечто неопишное. Он издал торжествующий вопль, ринулся вперед и как баран налетел на стену в конце коридора, даже не попытавшись затормозить. Раздался глухой удар. Я невольно вскрикнула. Один мешком рухнул на пол. Скульд встрепенулась, в одно мгновение оказалась рядом с ним, вскочила ему на спину и приставила «пульт» к затылку поверженного противника.

– Сдаешься? Один нечленораздельно выругался.

– Сдаешься?

Скульд щелкнула «пультом», и между металлическими зубами промелькнула здоровенная белая искра. Один конвульсивно дернулся, пытаясь встать, но Скульд надежно уселась у него на спине. Да это же просто электрический шокер, сообразила я. Чертовски неприятная штука, особенно если включить на полную мощность. Жестокие, однако, у иллюзионистов игрища!

– Третий раз спрашиваю – сдаешься, ас?

– Да-а-а, – прохрипел Один. – Хватит шею поджаривать, паразитка!

– Давай шокер. Восемь – шесть в пользу асов. Кто-то скоро отправится в Нифльхейм, ха-ха...

Скульд слезла со спины Одина и помогла противнику встать.

– Еще не известно, как дела у остальных, – буркнул Один, отряхивая штаны и свитер. – Может, на других ярусах асы ваших обставили. А круто ты меня заманила. Я, в полной уверенности, что ты прячешься за следующим поворотом, с размаху впился в эту долбанную стену...

Скульд довольно хихикнула:

– Пришлось поводить тебя по этажам, пока у тебя окончательно не пропало ощущение направления. Когда я заметила, что ты уже не рубишь, где находишься, то повела тебя к фальшивому коридору. Впредь обращай внимание на сквозняки. Это дело тонкое, на бегу не больно-то распознаешь, но иначе никак не определить, настоящий коридор или нет. Это уровень мастера. Кстати, тут появились умельцы, которые научились создавать иллюзию сквозняка. Ты как, в порядке? Синяк-то будет какой красивый, хи-хи-хи... Пошли, отметимся у Фрейи, заодно узнаем, как дела у остальных...

Дружески беседуя, иллюзионисты прошли мимо меня, как мимо пустого места, и исчезли за поворотом. После этого приключения мой абстрактный интерес к забавам иллюзионистов превратился в конкретное непереносимое любопытство. Судя по всему, иллюзионисты создали некое игровое пространство, которое только им и было видно, и разработали такие правила, чтобы игроки не особенно бросались в глаза остальным ученикам. Сюжетно игра как-то была связана со скандинавской мифологией, по крайней мере, слова «ас» и «Рагнарек» ассоциировались у меня именно с ней.

Я надела на Маринку: описала ей подсмотренную мной сцену побоища и принялась подбивать ее вытянуть из предмета слез и воздыханий, какой-то тайной игрой поглощен весь курс иллюзий.

– Это ведь отличный повод для общения с твоим красавцем – как его там? – искушала я подругу. – Скажи ему: шла по коридору, увидела игру, теперь не могу ни есть, ни спать, и только ты один можешь мне помочь...

– С какой стати он будет мне что-то говорить? – сопротивлялась Маринка. – Пошлет подальше.

– Ты что?! Да он счастлив будет, что ты к нему сама обратилась! Помнишь, ты говорила, что он на тебя позавчера нежно посмотрел три раза, а на той неделе на ногу специально в дверях наступил. У него на лице написано, что он по тебе сохнет!

В итоге доводы на Маринку подействовали, и она пообещала поговорить со своим иллюзионистом. Но иллюзионист, как и следовало ожидать, рассказывать об игре наотрез отказался.

– Сказал, эта игра только для своих, – мрачно сообщила подруга. – А всяким реалистам там делать нечего. Рожденный ползать, дескать, летать не может.

Прошло несколько дней. Ценой невероятных волевых усилий я преодолела муки зависти и постаралась выкинуть чужую игру из головы. Тем сильнее удивила меня Марина, с сияющей физиономией окликнувшая меня в буфете.

– Гелька, победа! – крикнула она таким тоном, каким обычно по телевизору говорят: «Вы выиграли миллион!»

– Все устроено, – сообщила она, когда мы уединились на исписанном подоконнике. – Сегодня, в половине пятого, в столовке тебя встретят и отведут, куда следует.

Я ничего не понимала.

– Будешь играть!

– Во что?

– В «Рагнарек»!

Тут до меня дошло.

– Рассказывай, быстро! – в волнении приказала я.

Оказывается, вчера к Маринке подвалил парень ее мечты в компании нескольких однокурсников и потребовал разъяснений. Его интересовало, откуда девушка узнала об игре, что конкретно узнала, и кто, кроме нее, еще в курсе дела.

– И ты все разболтала?!

– А что тут тайного? Я просто сказала им, что одна девчонка с курса реальности догадалась насчет «Рагнарека» и жутко хочет сыграть. Все развеселились, стали всякие шутки шутить, и тут такая темноволосая девчонка с длинной челкой спрашивает: «Это не та ли, которая на той неделе жалась к стенке на первом уровне Асгарда?» Я говорю – вроде она. А как ее, спрашивает, зовут? Ну, я сказала. Тогда эта девчонка и говорит: «Пусть приходит. Почему бы не провести эксперимент? Запустим ее в Нифлхельм и посмотрим, чего стоят реалисты». Так вот! – гордо закончила Маринка, явно ожидая, что я кинусь ей на шею от благодарности и нежных чувств.

Но я не кинулась. Мне неприятно резанула слух одна фраза.

– Девчонка, говоришь, с длинной челкой? А ее случайно не Катя звали?

– Ой, не помню. Может, и Катя. Она там, типа, верховодит.

Если это Погодина, подумала я в замешательстве, то я попала. Мне вспомнились заколдованный лес и рассказы о Катькином домике с оборотнями, вампирами и прочими чудовищами, по коим она мастерица. По спине поползли мурашки, в голове промелькнула мысль, что моя идея была не такой уж удачной. Первое, о чем мне следовало подумать, прежде чем лезть в игры иллюзионистов, – а не приложила ли к ним руку Погодина? Она же теперь может сделать со мной все, что угодно! Но отказаться невозможно – это был бы позор на все училище.

– Спасибо, – промямлила я сияющей Маринке. – Ты настоящая подруга.

На другой день после занятий мы с Маринкиным иллюзионистом пересеклись в столовке и пошли через кухню, в подсобные помещения, по каким-то лесенкам, причем все вниз да вниз. Ни поварахи, ни встреченная в темном коридоре уборщица внимания на нас не обратили. Я сначала удивилась, а потом вспомнила, что чуть ли не первое, чему учат иллюзионистов, – отводить глаза. Это у них, можно сказать, базовый навык. По дороге я выпытывала у парня, что собой представляет игра, но он только ухмылялся и отделялся фразами типа: «Да сама увидишь». Маринку, к ее большому огорчению, с собой не взяли.

– Ну, вот мы и пришли. Коридор заканчивался тупиком. Несколько грязных ступенек вели вниз, к могучей подвальной двери, напоминающей вход в застенки инквизиции. Перед дверью, оживленно переговариваясь, стояли человек шесть. Некоторых я узнала. Разумеется, в этой тусовке оказалась и Погодина.

– А вот и камикадзе идет! – приветствовала она меня.

Иллюзионисты дружно развернулись в мою сторону и принялись бесцеремонно меня разглядывать, пересмеиваясь и шепчась между собой.

– Я думала, трусишь, – заявила Катька. – Ну, раз такая смелая, то добро пожаловать в ад.

– Условия победы, – деловым тоном потребовала я. – Инвентарь. Карту.

Иллюзионисты встретили мою речь нестройным гоготом.

– Карту, надо же! – фыркнула незнакомая девчонка. – Может, ей еще и оружие выдать?

– А разве оружия не будет? – упавшим голосом спросила я.

– Ну, значит, так, – начал высокий парень. – Нынешняя игра из серии «Рагнарек» совсем новая, сегодня мы ее только запускаем. Называется она, если тебе это что-то говорит, «Дети Локи». Проводится в лабиринте. Лабиринт представляет собой нижний мир, или мир посмертных испытаний, называется он Нифльхельм, что означает «царство тумана». Его населяют разнообразными чудовищами, которых надо побеждать тем или иным способом. Тебе будут предложены три загадки на выживание. Миф-то о детях Локи знаешь?

– Не-а...

– Значит, шансы выжить резко уменьшаются. Впрочем, тебе же хуже.

– Но это нечестно! – возмутилась я.

– Знаешь, что такое интерактивное пространство? – вмешалась Погодина. – Миражи высшего порядка тоже интерактивны. Учти этот момент, когда будешь решать загадки.

– Я не очень поняла... То есть я смогу влиять на то, что происходит в лабиринте?

– Если сумеешь.

– В лабиринт мы заходим без оружия, – продолжал парень. – Одна из задач – подобрать оптимальный способ убийства каждой твари. Против некоторых действуют призрачные девайсы разных видов, других можно убить голыми руками...

– «За клешни и об стену», – буркнула я.

– Угу, – кивнул мой инструктор. – Это довольно увлекательно, поверь. После того как загадки будут отгаданы и лабиринт очищен, тебе предстоит самое интересное – найти из него выход. Не дергайся, там будут подсказки... если сможешь их найти.

Иллюзионисты расступились, освобождая проход к двери. Кто-то принялся снимать навесной замок. Наверняка они явились понаблюдать за мной, мрачно подумала я. Устроили себе гладиаторские игры, паразиты. Ну ничего, честь реалистов не пострадает. Я им покажу, кто из нас круче. А кстати...

– Там не опасно? Я имею в виду, какие-нибудь настоящие опасности встречаются?

– Реальные – нет, а вот иллюзорных до фига, – ответила Погодина и при этом ухмыльнулась так пакостно, что я окончательно уверилась: она подготовила мне неприятный сюрприз.

Замок наконец сняли, и передо мной гостеприимно распахнулись двери в лабиринт.

ГЛАВА 6 (продолжение) Дети Локи

Всех убью, один останусь!
М. Успенский. Там, где нас нет

Я спустилась по ступенькам вниз, осторожно заглянула внутрь. Подвал подвалом, темный, вдалеке едва теплится желтоватая лампочка, несет гнилой сыростью и, что нетипично, холодом – почти морозом.

– Иди, иди, – буркнул за спиной «привратник». – Время пошло.

«Тут еще и отсчет времени!» – тоскливо подумала я, шагая вперед. Дверь сзади глухо бухнула. В ту же секунду подвал исчез. Куда ни глянь – со всех сторон с шелестом и бульканьем идет проливной дождь.

«Хоть бы предупредили, – поежилась я. – Зонт бы взяла».

Иллюзия или нет, а через полминуты я была уже насквозь мокрая и порядком замерзла. Я медленно шла сквозь дождь, оглядываясь по сторонам. Сверху, непонятно откуда, светил слабый желтый огонь, время от времени мерцая и затухая, как луна, на которую набегают рваные облака. Запрокинув голову и высунув язык, я обнаружила, что дождь еще и соленый. Впридачу то слева, то справа налетал холодный ветер.

Я шла вперед уже минут десять, но чудовищ все не было. Начало знобить – не то от страха, не то от холода. Неожиданно дождь усилился, как будто душ включили на полную мощность. Струи хлестали сверху с такой силой, что стало больно голове и плечам. Я, сжав зубы, сделала еще шаг вперед и оказалась словно внутри водопада. С криком «Черт!» я отшатнулась, вернувшись на исходную позицию. Удивительно – там дождь лил слабее. «Ага! – обрадовалась я. – Подсказка!»

Несколько минут хаотических метаний дали интересную картину. Дождь образовывал как бы коридоры, в центре которых едва накрапывал, а ближе к стенам превращался в совершенно невыносимый ливень. Это был водяной лабиринт, невидимый, зато ощутимый.

Довольная собой – первая тайна разгадана – я нашла середину коридора и пошла вперед в облаке мороси на поиск новых подсказок. «Должно быть, это обычный подвал, – размышляла я. – Только закамуфлированный. Типа комнаты страха. Ничего особенного. Ну, где же обещанные монстры?»

Слева шум дождя неожиданно стих. Я приостановилась, готовясь к отражению (уж не знаю как) возможной атаки. Еще пара осторожных шагов – и я увидела, что справа в стене дождя открылся проход. Прямоугольный, размером с обычную дверь. Струйки воды обтекали темный проем, который вел куда-то вниз. Я подкралась, заглянула внутрь. Из темноты повеяло морозом, лицо укололи несколько снежинок. Мне послышался шум, похожий на прибой, и что-то вроде отдаленного колокольного звона.

Несколько секунд я стояла в раздумье, обхватив себя руками. Как это понимать? Подсказка? Ловушка? Спускаться в проход крайне не хотелось. Решив довериться интуиции, я отвернулась от проема и пошла дальше.

По полу лабиринта бежали ручейки, хаотически переплетаясь и соединяясь в бурные потоки. Не успела я сделать и нескольких шагов, как в одном из ручьев промелькнуло что-то белое. Белый предмет не заметить было невозможно: в сыром полумраке он прямо светился, словно подсвеченный изнутри. Предмет подплывал ко мне, ныряя и вертясь в крошечных вол-

нах. Я нагнулась и поймала его – мокрый лист бумаги, формат А4. На листе что-то было напечатано, и он явно оказался тут не случайно.

Прищурившись, я прочитала заголовок: «Дети Локи».

И дальше:

«Некогда бог огня Локи, странствуя по свету, забрел в Йотунхейм и прожил там три года у великанши Ангрбоды. За это время она родила ему трех детей: девочку Хель, змею Йормундганд и волка Фенрира...»

– Вторая подсказка! – сообразила я.

Я погрузилась в чтение. Буквы были едва различимы, разбухшая от дождя бумага липла к пальцам. Тем не менее удалось прочесть, как бог Один узнал об этих сомнительных детях и, вместо того чтобы поздравить Локи с прибавлением семейства, решил сплавить их куда-нибудь подальше, желательно на тот свет.

Юную великаншу Хель («левая половина ее лица была красной, как сырое мясо, а правая – иссиня-черной, как беззвездное небо страны вечной ночи») он прельстил тронм замечательной страны с теплым безветренным климатом – так она и оказалась в царстве мертвецов. Змею Йормундганд отправили искупаться в море, и за то время, пока она купалась, она так выросла, что не смогла вылезти на сушу. А вот с Фенриром возникли проблемы. Волк бегал где хотел, и сколько раз его ни сажали на цепь, он разрывал ее, даже не замечая. Наконец боги ухитрились раздобыть волшебную мегацепь и посадили на нее Фенрира. Что с этой компанией произошло потом, я так и не узнала, поскольку на самом интересном месте текст оборвался. Но и прочитанного мне хватило, чтобы крепко задуматься и слегка испугаться.

Совершенно очевидно, что это очередная подсказка. И подложили в коридор не случайно. Зачем? Чтобы ввести меня в курс дела и дать возможность выработать стратегию борьбы? Или наоборот – чтобы напугать и деморализовать, а на самом деле здесь все по-другому? Почему бы не выдать мне этот лист перед входом в лабиринт, чтобы я прочитала его не торопясь и в комфортных условиях? В общем, дело непонятное. И чем, интересно, эта сказочка может мне помочь?

Лист неприятно лип к пальцам, как растение-хищник. Я стряхнула его. Он упал в ручей, разлившийся к тому времени от стенки до стенки, и быстрое течение унесло его в темноту.

«Ручей-то какой стал полноводный, – краем сознания отметила я. – Может, очередная подсказка?»

По логике, ручей течет сверху вниз. Предположим, в самой низкой точке находится центр лабиринта. Пойти по течению? Или против – поискать исток?

Поток бурлил и плескал о невидимые стены, заливал ботинки. Я еще не решила, куда пойти, а напор воды все усиливался, да так, что мне приходилось прилагать усилия, чтобы устоять на ногах. Из-за спины, из сырой темноты, вдруг набежала волна и ударила под колени. Я потеряла равновесие и плюхнулась в поток. «Черт, уровень воды повышается!» – холодея, сообразила я. С трудом поднявшись, обнаружила, что вода уже дошла мне до бедер, так что вопрос выбора направления движения отпал сам собой.

Мне удалось пройти метра три, борясь с течением и чувствуя себя как на тонущем «Титанике». Шум воды нарастал; волна, еще волна... Я потеряла пол под ногами и поплыла. «Нет, этого не может быть по-настоящему», – успела подумать я, когда дождевые стены по сторонам вдруг раздвинулись, и меня вынесло в круглое озеро, от стены до стены занимавшее обширный грот. Потолка не было; сужающиеся стены пещеры уходили куда-то в невероятную высь, откуда на черную воду, не отражаясь, лился бледный дневной свет.

Посреди озера я с ужасом увидела водоворот. Я сделала отчаянный рывок к стене, но моих сил тут было недостаточно. Поток быстро и плавно пронес меня по кругу, потом померк свет, вода загрохотала со всех сторон, меня завертело и потянуло вниз.

В первый момент я зажмурилась, а когда открыла глаза, меня окружала вода, зеленая и тягучая, как холодное жидкое стекло; в глазах рябило от бесчисленных воздушных пузырьков. Она как будто тянула мое тело ко дну. С каждой секундой мне было труднее шевелиться, все чувства, даже страх, отступили, чтобы освободить место единственной мысли – как я отсюда буду выбираться?

Мимо меня вдруг проплыла большая рыба, излучающая голубое неоновое сияние. В отдалении промелькнула другая, поменьше, малиновая. Должно быть, я опустилась глубоко, водоворот уже почти не ощущался. Невидимые гигантские ладони медленно разворачивали меня вокруг своей оси и мягко давили на спину, направляя вниз. Должно быть, я угодила в некий колодец: его блестящие, украшенные коралловыми зарослями стены неуклонно сдвигались. Мне вдруг показалось, что стены движутся по кругу, так же, как я, и колодец становится уже с каждым витком. Там, где кораллов было меньше, отливающая металлом поверхность стен была покрыта смутно знакомым геометрическим узором. «Да ведь это чешуя! – сообразила я на очередном витке. – Йормундганд! Змея, которая не смогла вылезти из моря!»

Загадка была разгадана. Но стало ли мне от этого легче? Кольца гигантского змея смыкались медленно, но верно. Я продолжала тонуть, беспомощно пошевеливая конечностями. Неожиданно проплывавшая мимо меня длинная рыба раскрыла зубастую пасть, которая занимала две трети ее туловища. Испуг придал мне силы; я отшатнулась и зацепилась за одну из веток коралла, которые в изобилии росли на чешуе. На ветке что-то поблескивало. Я пригляделась и увидела абсолютно неожиданный предмет – кубок в виде черепа на бронзовой ножке. Недолго думая, я схватила его. В тот же миг давление на спину исчезло, и я легко и стремительно, как пузырек воздуха, понеслась вверх.

Несколько секунд – и я, глотая воздух, с плеском вынырнула на поверхность подземного озера. Уровень воды явно понизился, поскольку возле одной из стен образовалась отмель, куда я и поплыла, держа в одной руке добычу. Вскоре ноги коснулись дна. Я вылезла на отмель и свалилась без сил на мокрый камень. Вода отступала, уходила в воронку, быстро и без всякой суеты, как будто совершая военный маневр «отход на заранее подготовленные позиции».

Прошло около минуты, и в лабиринте не осталось ни капли воды. Типичная пещера, которую подземная река выточила в пористом камне. Черный потолок, черные стены, поросшие излучающими белесый свет колониями поганок. «Со змеей вроде разобрались, хоть и непонятно как. Теперь, значит, эпизод – два, – подумала я, наконец отдышавшись и поспешно изучая новые игровые условия. – Кто будет на этот раз: Фенрир или Хель?»

Я встретила ее в коридоре, за ближайшим поворотом. Мы остановились одновременно. С минуту не было слышно ничего, кроме моего дыхания.

Вопреки легенде, Хель не была великаншей – невысокая женщина в темной одежде до земли, с бледной кожей и белыми длинными косами, свисающими по обе стороны неподвижного лица с отстраненно-торжественным выражением жрицы, совершающей некий таинственный обряд. Один глаз у нее был черный, другой красный, и оба, похоже, слепые: довольно противное зрелище.

– Остановись, девушка! – негромко произнесла Хель. Речь у нее была под стать внешности – сладостная, слегка шепелявая, замирающая к концу фразы. – Остановись и склонись передо мной!

– Вы Хель? – на всякий случай спросила я. – И чего вам от меня надо?

– Я заберу твою душу.

От неожиданности я хихикнула. Смех получился довольно шизофреническим. Хель переменилась в лице.

– С каких пор вы, смертные, смеетесь, готовясь отдать душу богине ледяного ада? – холодно спросила она.

– А почему вы решили, что я вам ее отдам? Хель, не ответив, улыбнулась. Я заметила, что она приблизилась, и тоже отступила на шаг назад.

– По-моему, ты меня пытаешься запугать, – заявила я, чтобы потянуть время: что делать, я пока не придумала. – Всякий может сказать – типа, душу заберу. Хотела бы – забрала бы без предупреждения.

– Душа должна быть подготовлена, – непонятно пояснила Хель. Она продолжала подкрадываться ко мне, а я мелкими шажками пятилась, стараясь, чтобы это выглядело незаметно, пока не уткнулась спиной в колонию светящихся грибов. Хель остановилась в полутора метрах от меня, убедилась, что бежать мне некуда, и тоже остановилась.

– Хм, интересно. А как готовят душу?

– Ты не знаешь, как готовят душу к странствию в мое царство? – удивилась Хель. – О чем вы, смертные, вообще думаете? Срок вашей жизни ничтожен, но вы и за эти несколько десятков лет умудряетесь так испохабить данный вам материал, что иные души и в руки брать противно, а уж запах от них! В древние времена при кончине человека напутствовал жрец, чтобы хоть сверху слегка отчистить грязь его земной жизни, а теперь и этого нет. Но в нашем с тобой случае, – Хель неожиданно сменила тон, – все гораздо проще.

Она прикрыла глаза и глубоко вздохнула.

– В души юных еще не успевают проникнуть эти споры разложения и тлена. Твоя душа чиста и свежа, как цветок асфодели, расцветший туманным утром и сам словно сотканный из тумана... Но это не навсегда. Нет более преходящей и непрочной чистоты, чем чистота невинности. Она драгоценна и в то же время ничего не стоит. Ее невозможно ни защитить, ни сохранить. Вся ее прелесть – именно в мимолетности. Но для путешествия в Хель это состояние чрезвычайно благоприятно. Вряд ли твоя душа еще когда-нибудь будет так готова, как сейчас. Так пойдем же!

Ее невыразительный монотонный голос зачаровывал, усыплял, притуплял все эмоции, лишал воли.

– Умереть молодой, – сладко, словно пробуя слова на вкус, произнесла Хель, – остаться прекрасной навечно – это удел избранных. Герои легенд, любимцы богов умирали в юности, потому что они были достойны большего, чем эта земная жизнь. Небесные покровители забирали их к себе. Отдай же мне твою душу, пока она чиста, дитя мое. И твое посмертие будет блаженным и грандиозным, чего ты никогда не получишь в этой жалкой жизни, полной мелочных забот, которые превращают в серую грязь самое высокое и чистое, что есть в душе. Ты покинешь ее молодой, и она не успеет отравить и разрушить тебя; ты пойдешь дальше, вверх, а не вниз, как большинство...

Я наконец догадалась, чего она хочет. Чтобы я отдала ей душу добровольно, пошла за ней сама.

– Подумай, – ласково сказала Хель. – Ты растеряна. Тебе еще ни разу не делали столь заманчивого предложения, и ты не можешь сразу сказать «да». Я подожду.

Левой щекой я ощущала тепло, очень знакомое, напоминающее деликатное поглаживание. Похоже на солнечный луч, подумала я. Наверно, слева подвальная отдушина, в которую проникает солнечный свет и греет мне щеку. Я покосилась на Хель. Она стояла как статуя в ожидании моего решения. Мираж частично был пробит, но, чтобы уничтожить его совсем, ни у меня, ни у солнца не хватало сил. Я могла бы находиться на пляже в выходной или посреди толпы на улице, и все равно этот мираж – темный коридор и Хель – никуда бы не делся и меня не отпустил. Возможно ли такое – мираж, который сильнее реальности?

«Не может ли иллюзия превращаться в реальность?» – явилась вдруг мне пугающая мысль. Хотя на занятиях нам об этом пока ничего не говорили, она показалась мне правдоподобной. Допустим, Хель – это всего лишь мираж, но, если я сейчас отдам ей душу, что будет со мной дальше? Это же натуральная ловушка!

– Нет, я не хочу.

– Почему? – искренне удивилась Хель. – Боишься? Не обращай внимания. Страх – физиологическая защитная реакция организма. Делая шаг вперед, надо обязательно преодолевать страх, иначе нельзя.

– Я не боюсь, – задумчиво ответила я. Я действительно не боялась, поскольку все мои силы были сосредоточены на борьбе с дремотой. – Спасибо, все очень заманчиво, но мне как-то не хочется.

– Это несерьезно, – свысока бросила Хель. – Тебе предоставляется шанс, какой бывает раз в жизни, а ты не понимаешь...

Все я понимала. И этот тон лохотронщика, который опрометчиво избрала Хель, не способствовал принятию мной положительного решения.

– Я отказываюсь, – так твердо, как могла, сказала я. – Мое решение окончательное, и хватит меня уговаривать. Только время зря потеряешь.

Хель взглянула на меня и потемнела лицом. По-моему, она глубоко обиделась.

– Мне нужна твоя душа, – упрямо повторила она. – Хочешь ты или нет, а придется тебе с ней расстаться.

– Ты не можешь ее забрать, – с вызовом заявила я. – Не положено, я угадала?

– Тогда мой младший брат отправит тебя ко мне, – прошипела Хель. – Случалось ли тебе встретить свою смерть лицом к лицу? Я выпускаю Фенрира по твоему следу. Отныне его единственная цель – найти тебя и убить. Ты познакомишься с запредельной тьмой. Ты заглянешь в бездну и познаешь настоящий ужас.

– Ой, напугала!

– Фенрир – это твои детские страхи, то, чего ты боишься в самой себе. Ты загнала их глубоко, но сегодня они проснутся...

Хель начала от меня удаляться. Она словно плыла по воздуху. Ее ласковая мертвенная улыбка стала откровенно злорадной.

– Смерть идет за тобой по пятам! – полз под черными сводами ядовитый голос. – Насильственная гибель в страхе и боли, которую желание жить делает еще мучительнее. Отвергнув меня, ты сама выбрала ее!

Хель резко развернулась и удалилась во мрак, похожая на древнеримское привидение в свете фосфоресцирующих грибов. Я осталась в коридоре одна, лихорадочно соображая, отделилась я от нее или нет. Было совсем тихо. Я собралась идти дальше и...

Тишину взорвал звериный рев. Она лопнула и разлетелась на части под напором этой невероятной звуковой волны, а на ее гребне неслись ярость, голод и жажда убийства. Фенрир! Кровь во мне застыла, я скорчилась, зажала уши. Рев нарастал, приближался, повторялся и усиливался подвальным эхом, будя во мне первобытный ужас и убивая все остальное. Он, как смерч, вырвал из меня остатки самообладания, рационального мышления, вообще способности мыслить. Я уже не помнила, кто я, где и почему. Остались только инстинкты. Два первичных инстинкта живого существа, на которого нападает враг: убежать или нападать самому. Но убежать было некуда. Лабиринт – это извращенная ловушка, где за каждым поворотом меня ждет новая смерть. И я, как и положено трусу, буду умирать тысячу раз, пока моя душа не надорвется и не взмолится: «Где же ты, убей меня, пожалуйста!»

Мой растерзанный разум был не в силах успокоиться и обрести хотя бы минимальный контроль над ситуацией. Но тут мне довелось узнать, что человек – устройство куда более сложное, чем я думала раньше. Нечто во мне приняло решение за меня. Я стояла и тряслась, желая только одного: чтобы этот кошмар как-нибудь сам, без моего участия, закончился, – когда вдруг почувствовала, что мое тело меняется. Я не сразу заметила, что рев Фенрира неожиданно смолк, что грибы на стенах сморщиваются и осыпаются, что в воздухе опять запахло дождем,

а черные стены и потолок побелели от инея... Все внимание поглотили происходящие со мной перемены.

Кожа стала грубой и жесткой, как кора, потом – как кость, потом – как железо. Кровь разом вскипела и превратилась в горячий газ. Тело ощущалось одновременно легким и тяжелым, подвижным и очень сильным. Глаза ослепила яркая горячая вспышка, а когда зрение вернулось, мне показалось, что я со сверхъестественной зоркостью смотрю сквозь прицел, и каждый мой глаз – ствол огнемёта. Пальцы на руках зудели и дергались, как будто через них пропускали электрический ток. Я посмотрела вниз и увидела, что вместо пальцев у меня самые натуральные оружейные стволы, и в каждом плещется зловещий огонек.

Вокруг меня со всех сторон вдруг что-то монотонно зашелестело. Я еще и подумать ничего не успела, а мои новые руки отреагировали: темноту разрезал надвое огненный поток. В полумраке что-то грохнуло, затрещало, посыпались искры. Через несколько секунд неподалеку раздались растерянные голоса:

– Ах, девочки! Что же это она делает?!

Тело обернулось к невидимой цели и ответило новым залпом. Раздался дружный вопль и топот удаляющихся шагов. Только теперь я сообразила, что за шелест спровоцировал первый выстрел – просто опять начался дождь. Но преобразившееся тело успокаиваться не желало. «Враги! Со всех сторон враги! Обложили! – думала я. – Да что же это у меня за мысли?! Надо искать убежище, а потом, кто сунется, перестрелять по одному. Хватит, успокойся! Нет, в засаду, пока не началось!»

...Я стояла в облаке пара: дождь, падающий на мою раскаленную кожу, с шипением испарялся. Кажется, место для укрытия было выбрано удачно. Спинай я упиралась в ледяную глыбу, в которой от жара моего панциря уже образовалась небольшая пещера; к тому же по спине стекала холодная вода, что было довольно приятно; слева была зона быстрого дождя, и нападения оттуда, скорее всего, можно было не ожидать. Оставалась зона впереди и справа. Именно там я последний раз слышала рев Фенрира.

Я стояла пригнувшись и выставив вперед руки-огнемёты, ожидая атаки. В лабиринте было тихо, только дождь шумел. Мелькание дождевых капель в глазах заставляло руки дергаться, отзываясь на малейшее движение в обозримом пространстве. Это ужасно выматывало, меня начало мутить. Должно быть, мое тело слишком чуткое для нервной системы, подумала я и попыталась закрыть глаза, но как бы не так: кровь вскипела, стволы отозвались выплеском огня. Я себя абсолютно не контролировала. Откуда-то из-за пелены дождя снова донеслась переключка испуганных голосов. «Да позовите же кого-нибудь!» – «Ленка, с ума сошла, она тебя сейчас размажет! Отойди от двери!»

Мои трансформированные руки ответили новой вспышкой. Все, что я могла, это не шевелиться в засаде. Сквозь нарастающую головную боль я подумала, что если хоть на шаг отойду от глыбы, то от последствий никто не будет застрахован.

– Что она делает?

– Геля, ты нас слышишь? Что я с собой сделала? Сейчас было хуже, чем десять минут назад, когда я почувствовала себя запертой в некой машине убийства, которой я не умею управлять; теперь я сама превращалась в эту машину, она пролезала в мой мозг, подменяла мысли. Перестань сопротивляться, говорило во мне что-то, и сразу станет легче; разлад между душой и телом пройдет, они гармонично объединятся и примутся за дело, для которого эта оболочка и была создана: убивать чудовищ. «Но тут нет чудовищ!» – пыталась спорить я. «Нет, они здесь, – возражала машина убийства. – За каждым углом. Фенрир еще не уничтожен. Кроме того, есть те, кто их создал. Родители чудовищ – сами худшие чудовища. И среди них та, которая все это подстроила. Кстати, неплохая мысль: не отомстить ли?» – «Нет!» – упорно повторяла я, понимая, куда все клонится. Пока еще понимая.

– Кого я зрю перед собой? Не сам ли это Локи? – раздался вдруг приятный баритон у меня над головой, как будто из динамика.

Руки непроизвольно дернулись наверх, в глазах вспыхнуло пламя, и на голову посыпалась бетонная пыль.

– Хитроумный Локи, сам себя перехитривший! – как ни в чем не бывало повторил голос.

– Выйди на свет и стань справа, лицом ко мне, с поднятыми руками, – произнесли мои губы. Голос из-под забрала прозвучал глухо и зловеще.

– Еще чего! – расхохотался невидимка. – Ты почему не пошла в подземный ход, несчастная? Давно бы выбралась отсюда.

– Так я тебе и поверила. Ты кто такой?

– Я... ну, скажем, Один.

– Врешь. У Одина другой голос.

– Ладно, признаюсь: я – дух-хранитель...

– Мой?

– Нет, школьного подвала.

– Водопроводчик, что ли?

– И мне совсем не нравится, что мой подвал твоими стараниями превращается в груды развалин. Кончай это дело. Пойдем, я тебя выведу.

Теперь голос прозвучал левее. «Пытается зайти мне за спину, собака», – отметила я, тоже поворачиваясь миллиметр за миллиметром и держа руки-стволы на изготовку. Как бы только невидимка не замолчал, а то куда я буду целиться?

– Я не могу отойти от льдины, – сообщила я. – Где-то поблизости болтается Фенрир.

– Да, я его только что видел. Он как раз взял след и будет здесь минуты через две. Ой, как глазки-то вспыхнули! В них тоже огнеметы? Только они не помогут. Фенрира убить невозможно.

– Неправда!

– Разве ты не нашла мой лист с подсказкой? Это заложено в условиях игры. Тебя подставили, глазастик.

– Что же мне теперь делать, человек-невидимка?

– А подумай. Ладно, нет времени на загадки. Фенрира можно связать. Помнишь сагу о трех цепях?

– Да, да, невидимая цепь из корней гор, шума кошачьих шагов, бород женщин, слюны птиц, голоса рыб и всего такого. Только у меня в инвентаре ее почему-то не предусмотрено. А ты ее с собой случайно не захватил?

– Представь себе, что-то в этом роде как раз при мне...

Я не успела ответить, как голос невидимки перекрыл яростный рев, который эхо делало еще громче и ужаснее. Из-за дождевой завесы выступило нечто огромное и черное. В пасти твари, как набор швейцарских кухонных ножей, синевой отливали клыки. Я вжалась спиной в льдину и вскинула руки, готовясь испепелить врага.

– Не стреляй! – зазвенел голос, казалось, прямо у меня в ушах. – Это бесполезно! Поймай цепь и просто брось ему в морду!

По рукам скользнуло что-то холодное и гладкое, почти невесомое. Я машинально схватила брошенное – на ощупь оно действительно напоминало цепь – и изо всех сил швырнула в приближающееся черное чудовище. Очередной душераздирающий рев резко оборвался. Фенрир остановился, замотал башкой. Я услышала звук, похожий на визг ножовки по металлу: волк попытался перекусить цепь. Потом его голова склонилась к полу, лапы подогнулись. С потрясшим подвал грохотом Фенрир рухнул всей тушей на пол и захрапел.

– Вот и всех делов! – торжествующе сказал виртуальный водопроводчик. – Гейм овер. Умница. Я очень тобой доволен. Выдержка, сообразительность, хладнокровие в решающую

минуту. Теперь принимай человеческий облик и катись из моего подвала. Интересно, кто его будет после тебя чинить?

Дождь прекратился, в подвале стало светлее. Лужи высыхали прямо на глазах. Вокруг меня постепенно проступали стены, опаленные и изуродованные дырами, кучи бетонной крошки на полу... Такое ощущение, будто я находилась на месте подземного ядерного взрыва. Где-то вдалеке слышались встревоженные голоса.

– Давай, превращайся, – торопил меня невидимый помощник.

– Я не могу, – проскрежетала я. – Лучше меня не трогай. Я как заряженное ружье с пальцем на спусковом крючке. И этих ваших кидал сюда не пускай, а то будут жертвы.

– Эх, елки-палки, – пробормотал голос. – Опять проблемы. Подожди-ка меня немножко...

Буквально через тридцать секунд невидимка радостно сообщил:

– Вот оно, твое спасение! На, выпей. Смотри, я ставлю вот сюда...

На полу передо мной появилась антикварная чаша в виде черепа на бронзовой ноге, в которой поблескивала какая-то сладко пахнущая жидкость.

– Что это за бурда?

– Поэтический животворящий напиток асов. Коктейль из крови врагов и перебродившего меда, вкусно и полезно. Ты как победительница чудовищ вполне достойна его вкусить, чтобы восстановить душевные и физические силы.

Я не шелохнулась.

– А почему я должна тебе верить?

– Ну... – задумался невидимка. – Есть по крайней мере две причины. Во-первых, я уже доказал тебе свою лояльность, спасши тебя от Фенрира. Во-вторых – у тебя что, есть выбор? Не хочешь – не пей, сиди здесь в этой чешуе и жди, пока за тобой пришлют роту ОМОНа.

– Я выпью, – подумав, сказала я. – По первой причине.

– Я очень рад, – серьезно сказал невидимка. Кроваво-медовый коктейль оказался и впрямь вкусен. Мое тело как будто размягчилось, стало легким и горячим. Колючая броня, насыщенная инстинктами убийства, вдруг показалась мне грубой и чуждой. Я, как бабочка из кокона, выскользнула из нее. В тот же миг она осыпалась на пол тысячей чешуек, распалась в пыль и смешалась с бетонной крошкой. А я снова стала собой.

– Спасибо, водопроводчик, – поблагодарила я своего спасителя, но мне никто не ответил.

В подвале был полный разгром. Хорошо хоть никакую трубу не прорвало. Все миражи исчезли, в том числе Фенрир с невидимой цепью и чаша-черепа. Я находилась в прямоугольном помещении, из которого в разные стороны уходили четыре одинаковых коридора. «А когда ты победишь всех чудовищ, – вспомнила я слова парня у входа, – тебе предстоит самое интересное – отыскивать выход».

– Эй, дух-хранитель! – позвала я еще раз. – Выход-то где?

Ответом было только слабое эхо. Похоже, помогая мне, дух перетрутился. Я переминалась с ноги на ногу, раздумывая, какой из коридоров мне больше нравится. Вдруг откуда-то справа донесся знакомый голос:

– Гелька! Это я, не стреляй!

– Сюда! – закричала я. – Не бойтесь!

Через полминуты из-за угла осторожно высунулась Эзергиль. Изумленным взглядом окинув руины, она спросила:

– Что здесь у вас творится? Погодина позвонила, говорит, выручай, Гелька с ума сошла, превратилась в мутанта, разнесла полшколы, я поймала машину, примчалась...

– Все, проехали, – отмахнулась я. – Выведи меня отсюда, меня уже тошнит от этого подвала.

Эзергиль посмотрела на потолок и вздрогнула.

– Ты можешь мне объяснить, кто это все устроил?

Я скромно потупилась.

– Ты?! Но почему? Я в нескольких словах описала ситуацию.

Эзергиль смотрела на меня расширенными глазами и ужасалась.

– Нет, чем думала эта Катька! – еле выговорила она, выслушав мой рассказ. – Я с ней поговорю. Пошли, нам в тот коридор...

– Мне интереснее всего, кто был этот невидимка?

– Скорее всего, просто глюк. А может, кто-то из иллюзионистов решил тебе помочь.

– Да, это вероятнее... Может, Погодина? Нет, кто угодно, только не она...

Когда мы вышли из подвала, иллюзионисты, взволнованно толпившиеся у входа, шарахнулись от меня, как от прокаженной. Все они выглядели насмерть перепуганными. Растолкав товарищей, вперед вышла бледная Катька Погодина.

– Мы решили никому ничего не говорить, – искоса глядя на меня, сказала она. – Так для нас всех будет лучше. В «Рагнарек» ближайшее время играть не будем. И ты молчи, хорошо?

– Хорошо, – пожала я плечами. – А что такое случилось-то?

– Видишь? – сказала с упреком Эзергиль, обращаясь к Погодиной. – Она даже не поняла, что с ней произошло, бедная девочка. Все, хватит испытаний. Прекращаем войну и живем дружно. Девочки, пожмите друг другу руки.

Катька послушно протянула мне руку и вымученно улыбнулась, глядя на меня с явной опаской. Я пожала ее руку, с удивлением почувствовав, что она дрожит. Моя, впрочем, тоже.

ГЛАВА 7, Маленькая Ночные всадники и банный лист

*Всю жизнь тосковать по возлюбленному и умереть и умереть
от неразделенной любви, ни разу не произнеся его имени, – вот в чем
подлинный смысл любви.
Книга самурая*

В одной из моих тетрадок того времени есть рисунок: панорама новостроек, графическая линия крыш, россыпь звезд; над ними луна вполнеба и когтистые облака, разбегающиеся во все стороны, как испуганные призраки. Если приглядеться, то можно разглядеть силуэт летучей мыши, раскинувшей крылья от земли до неба. Луна у нее вместо сердца. А на луне – маленький всадник на лошади.

Ноябрьский вечер в доме у Хольгеров. От еще не заклеенных форточек веет зимой, острым космическим морозом. Мы с Сашей валяемся на полу в темной кухне и молча слушаем музыку. Из соседней комнаты пробивается полоска света и доносится приглушенная родительская болтовня. А у нас – особое пространство. Темное, тихое, только музыка бормочет, как подземный родник. Это уголок ночи, которая наступает снаружи. Те, в другой комнате, от нее спрятались. А мы лежим на полу, ждем ее и видим, как она приближается.

На черном линолеуме резкие белые полосы лунного света. Я кладу на освещенное место ладонь и чувствую, что линолеум теплый: должно быть, луна его нагрела. Это место – только частично кухня в доме Хольгеров, оно сложнее и таинственнее; оно открыто во все стороны, во все миры, здесь перекресток невидимых дорог. Только сделай шаг в сторону – и не вернешься.

Мы слушаем сборник Цоя. Мрачная депрессивная романтика. Но вот эта песня – «Спокойная ночь» – очень в тему.

«Крыши домов дрожат под тяжестью дней,
Небесный пастух пасет облака,
Город стреляет в ночь дробью огней,
Но ночь сильнее, ее власть велика.
Тем, кто ложится спать, – спокойного сна.
Спокойная ночь...»

Волшебная ночь... Нет, для меня она нормальная, такая, какой и должна быть: с собственной волей и целями. Все лишние, непосвященные, ее властью погружаются в сон. И появляются всадники, покидающие этот мир.

«Соседи приходят – им слышится стук копыт.
Мешает уснуть, тревожит их сон.
Те, кому нечего ждать, отправляются в путь.
Те, кто спасен, те, кто спасен.
А тем, кто ложится спать, – спокойного сна...»

Мне кажется, что я тоже слышу этот стук копыт. Более того, я чувствую, что эти всадники, покидающие мир, – сейчас прямо за дверью, на лестничной площадке. Они появляются из лестничного проема, замедляют на мгновение бег лошадей у двери Хольгеров... Они приехали за мной, потому что я – одна из них, и они ждут меня на дороге к вечности, которая

сегодня по чистой случайности пролегает именно здесь. Но я – нет, фигурки, не пойду с ними. Я гордо и щедро жертвую вечностью и остаюсь с Сашей. Всадники продолжают свой путь, проникают сквозь двери лифта и исчезают в ином измерении...

Вот она, ночь: добрая, нестрашная, моя. Бездонная чернота, полная тайн, а в ней горят звезды – россыпь самоцветов на черном бархате (как поется в одной песне, *jeweled sky*). Их грани поворачиваются, и радужные лучи проходят сквозь ночь из ниоткуда в никуда, как косяк форели, играющий в темной воде. Лучи, которые не рассеиваются, радужные лазеры в темноте, подобной южной ночи, только гуще, чернее, – темноте, полной жизни и тайной радости... Это моя радость переливается радугой во тьме. Бесшумные взрывы смеха, невидимые улыбки.

В дверь стучат родители. Саша, как будто очнувшись от сна, вздрагивает и тянется выключать магнитофон. Уже почти одиннадцать, давно пора уходить. За весь вечер мы не сказали друг другу ни слова.

Я уже почти заснула, когда позвонил Макс и как всегда сел мне на ухо. С этим Максом я познакомилась летом на Елагином острове, где мы с Маринкой катались на лодке; какие-то лоси отобрали у нас весла, взяли на буксир и полдня таскали за собой по прудам. Одним из этих лосей и был Макс. По словам Марины, моя красота сразила его наповал. С тех пор прошло уже больше двух месяцев, но Макс пристал как банный лист: названивал, подкарауливал после занятий, приглашал на разные увеселительные мероприятия. Минут сорок он рассказывал про своего старшего брата, который устроился на «Юноне» торговать всякой видеопродукцией, делая толстые намеки на то, что теперь он может достать за бесплатно любой фильм, стоит мне только попросить. Я сонно бормотала «ага» и «ну ваще», время от времени демонстративно зевая в трубку и с тоской думая, когда же он наконец засохнет. После пятнадцатого зевка до Макса дошло, и он принялся прощаться (еще минут на двадцать). Чтобы отвязаться поскорее, я согласилась, чтобы завтра он встретил меня после занятий и сводил в кафе. Я уже и наметила одно неплохое заведение – минутах в десяти ходьбы от Сашиного дома. Так что завтрашний день, подумала я, проваливаясь в сон, может, и не пройдет зря.

ГЛАВА 8

Как Геля сдавала первый зачет и упала в бездонную пропасть

– *Хорошо у нас на море! Выйдешь к обрыву, раскинешь руки,
прыгнешь, летишь, летишь, и – ба-бах!*

– *А почему «ба-бах»?*

– *Ну, если прилив, тогда «бултых».*

Анекдот

– Сегодня великий день! – заявила Эзергиль, едва я вошла в мастерскую. – Гелька, как лучше – так или так?

Она провела рукой по своим черным волосам, гладким и блестящим, как в рекламе шампуня, и они тут же завились мелкими колечками. На тыльной стороне ее левой ладони я опять заметила замысловатый иероглиф, выведенный черной тушью.

– Или как раньше? Еще одно плавное движение изящной кисти – и волосы снова стали прямыми.

– Ты всех уже достала со своими волосами, – послышался из кладовки голос Погодиной. – Определяйся и катись наконец отсюда.

– И все-таки... – Эзергиль снова поднесла руку к голове и покрылась кудрями.

– По-моему, прямые лучше, – неуверенно сказала я. – Хотя тебе по-всякому идет. А почему ты сказала про великий день?

– Наша Эзергиль идет на свидание, – насмешливо сказала Погодина, появляясь в мастерской. – Всего-то третий раз за неделю, и опять с новым парнем. Знаешь, кто он? Прыгун с шестом! Эзергиль, в твоей коллекции толкателя ядра случайно не было? Или борца сумо?

– Зато какая у него пластика движений! – беззаботно произнесла Эзергиль. – А великий день сегодня вовсе не поэтому. Посмотри-ка на Ивана.

Я оглянулась и увидела Ивана – как всегда, в его любимом углу. Он сидел с отстраненным видом, ничего не видя и не слыша. Лицо у Ивана было благостное и просветленное.

– У него сегодня грехопадение, – драматическим шепотом сообщила Эзергиль. – Видишь, готовится?

– Чего?! – Я вытаращила на нее глаза. Погодина расхохоталась до слез.

– Грехопадение Адама и Евы, – усмехнувшись, пояснила Эзергиль. – Сегодня решится вопрос с яблоком. Одно я знаю точно – змея Иван в райском саду не селил...

В этот момент Иван открыл глаза и окинул мастерскую сияющим взглядом.

– Я буду добр и справедлив, – мягко произнес он. – Никаких подстав. Слово «искушение» в моем мире да будет неизвестно. Роль змея выполнит сам творец.

– Это как? – спросила я.

– Сегодня Адам и Ева встретятся со мной возле древа познания. Я сам расскажу им о яблоке и предоставлю свободно выбирать между блаженством неведения и трудным путем прогресса и духовного роста. Надеюсь, они сделают правильный выбор.

– Хм, а какой выбор правильный? – поинтересовалась Эзергиль. – Вот ты сам как бы поступил в такой ситуации?

– Разумеется, съел бы яблоко, – спокойно сказал Иван. – И лично мне было бы приятнее, если бы и они поступили так же. Но если откажутся, это не будет иметь никакого значения. В этом и проявляется моя высшая справедливость. Что бы ни выбрали Адам и Ева, из рая их не изгонят. Если, конечно, они сами не захотят уйти.

– Ты бы по доброй воле ушел из рая? – скептически произнесла Погодина.

– Я бы ушел. Но Адам и Ева могут остаться. А могут уйти и вернуться. Мой мир – не испытательный полигон. Он создан для блага людей...

В окно громко постучали.

– Ага, это за мной! – перебила Ивана Эзергиль. – Катька, скажи Тоне, что у меня семейные обстоятельства и я немножко, часа на полтора, опоздаю.

– Да хоть на два, – отмахнулась Погодина. – Гелька сегодня сдает первый зачет, а это надолго. И главное, напрасная трата времени – все равно не сдаст.

– Почему это не сдам? – возмутилась я.

– Потому что не умеешь ни фи́га, – холодно ответила Катька. – Тебе еще яблоки творить учиться и учиться, а все туда же лезешь...

– Ну, началось! – демонстративно закатила глаза Эзергиль и побежала в «предбанник» одеваться.

Взвизгнула дверь, в мастерскую ворвался поток холодного воздуха. Я услышала резкий голос Антонины и сбивчивое щебетание Эзергили. Черт, с этими разговорами я совершенно забыла про зачет! В желудке стало как-то неуютно. Мне вдруг подумалось, что подготовилась я довольно небрежно. Мое задание было на первый взгляд несложным и абсолютно нетворческим – как можно точнее воссоздать кусок обычного городского пейзажа. Я справилась с этой скукотой быстро и заодно, чтобы не пропадала творческая энергия, подготовила для Антонины сюрприз.

В мастерскую, высматривая меня, заглянула Антонина.

– Геля, ты уже здесь? – не снимая куртки, позвала она. – Пойдем, нечего время тянуть! Закончим с этим делом побыстрее, попьем чаю с пряниками, и можно будет переходить к более интересным темам.

Похоже, с надеждой подумала я, наставница сегодня настроена довольно благодушно.

Мы прогуливаемся с Антониной туда-сюда по улице Савушкина. Голубое небо в кучевых облаках, с умеренной скоростью летящих на юго-запад. Температура воздуха тринадцать градусов. Увядаящая трава на газонах покрыта налетом серой пыли. Из-за кустов акации выглядывает желтая крыша мастерской. Каждые четыре минуты по улице проезжает грузовик. Прохожих нет – это мне еще рано. Над тротуаром кружатся малюсенькие пылевые смерчи...

– Стоп. Смерчи убирать.

– Но почему?!

– Ты хоть раз видела смерч на Савушкина? – Антонина начинает заводится.

Я отмалчиваюсь, покорно убираю смерчи. Не потому, что наехала Антонина. Просто я подумала и вспомнила, откуда они выплыли. Во всех американских фильмах, если на улице нет прохожих, то показывают крупным планом такие смерчки, вертящие над асфальтом пакеты из-под чипсов и другой мусор. Короче, типичный штамп. Обычно за этим следует разряд молнии и откуда-нибудь с неба или из-под земли под заунывную музыку является горец, Терминатор-2 или Киану Ривз в черном кожаном плаще. Ах, да, сначала налетает ветер...

Порыв ледяного ветра откуда-то со стороны Невы пробрал меня до костей. В облаках глухо прогрохотал гром. Антонина вздрогнула, одарив меня удивленным взглядом. Я очнулась и попыталась взять себя в руки. Итак, улица Савушкина, одиннадцать часов утра. Температура тринадцать градусов. Мимо проезжает надоевший до чертиков грузовик...

Мне скучно. Антонине тоже. Она этого даже не скрывает, ежеминутно поглядывая на свои наручные часы-будильник. Но она упряма и, пока не добьется своего, меня не отпустит.

– Безобразно! Ну вот, началось.

– Что безобразно?

– Все безобразно! Плоско, бесцветно, детализация отсутствует полностью, элементы не стыкуются... На дворе октябрь, а у тебя все деревья стоят зеленые.

– Неправда. Где зеленые?

– Ах, уже желтые. Даже листья полетели. Кстати, что это тут растет – клен?

– Нет, липа. Разве не видите, какие листья?

– То-то и оно – вижу, что красные. Кошмар! Нет, милая, чтобы в твоём мире выжить, никаких нервов не хватит. Переделывай все заново.

– Но я уже шестой раз переделываю!

– Будешь переделывать двадцать шестой. Разворачивайся. Пойдем еще раз до перекрестка и обратно. Больше чувства, напряги память, больше внимания на детали. Реальность соткана из мелочей. Каждый элемент должен воспроизводиться на нескольких уровнях достоверности, соответствующих уровням человеческого восприятия. Если этим пренебрегать, создаваемое тобой пространство никогда не приобретет свойства реальности. А если оно их не приобретет, то какой смысл во всех наших усилиях?

Я скромно промолчала. Честно говоря, первую половину этой замечательной речи я прослушала, а вторую не поняла. Но Антонина не такой человек, чтобы просто так оставить жертву в покое.

– Напомни-ка мне основные свойства реальности!

– Ох... Материальность?

– Это не свойство! Это качество! Позор, обучаясь в моей мастерской, этого не знать. А главных свойств два. В отличие от иллюзии материя интерактивна и за счет этого способна к самостоятельной эволюции. Любой мастер реальности должен уметь задать вектор, чтобы направить эволюцию туда, куда ему необходимо...

Мы продолжали идти по тротуару. Справа начался забор из бетонных блоков, оклеенный объявлениями и разрисованный свастиками. Я шла, опустив голову и разглядывая асфальт – совсем как настоящий. Мне вдруг захотелось что-нибудь хорошенько пнуть. Под забором услужливо возникла пустая жестяная банка. Я сделала неприметный шаг в сторону, отвела назад ногу...

– Стоп. Ну-ка, дай сюда! Антонина схватила банку и торжествующе повертела ей у меня перед носом.

– Вот об этом я и говорю, только у тебя в одно ухо влетает, а в другое...

«А ведь она права», – уныло подумала я. Банка была абсолютно гладкой, словно только что с конвейера. Никаких следов этикетки, чистые алюминиевые бока. Антонина бросила банку на асфальт, сорвала наугад одно из объявлений и прочитала вслух:

– «Je te rends ton l'amour...» Какой еще лямур? Ты о чем думаешь во время зачета? – фыркнула она.

Мне уже надоело оправдываться – все равно словами делу не поможешь. Я упорно смотрела на забор. На сером бетоне, как колдовские черные цветы, распускались свастики. С каждой секундой их становилось все больше, и я не могла остановить их бурный рост. Или не хотела?

Антонина бросила объявление, устало вздохнула.

– Сколько раз ты ходила по Савушкина?

– Да я на ней живу.

– Тогда я вообще не понимаю. Откуда в этом пейзаже такая вселенская тоска? У тебя что-нибудь не в порядке дома?

Я хотела ответить отрицательно, но вместо этого зевнула во весь рот, не успев отвернуться. Антонину этот зевочек взбесил окончательно.

– Все! Иди отсюда! Больше ты в моей мастерской не занимаешься. При таком халтурном отношении тебя даже в уборщицы не возьмут, выгонят в первый же день...

– Ну и не надо. Вот поступлю в ПТУ, чашки расписывать. И всю жизнь буду пятном на вашей совести.

– Иди, поступай. Тебе там самое место. А мне здесь халявшики не нужны.

Антонина развернулась и быстрым шагом пошла в сторону мастерской. Ха, не очень-то и страшно. Не очень-то я и расстроилась. Ладно уж, поброжу тут еще, может, чего придумаю. А кстати...

– Антонина Николаевна! Наставница молча продолжала удаляться.

– Вы не ходите через дыру в заборе, я там кое-что изменила...

Антонина резко остановилась, застыв с поднятой ногой на полушаге. Весьма мудро с ее стороны – а может, это инстинкт? Я догнала ее и, слегка запыхавшись, крикнула:

– Подождите, я кое-что хотела спросить!

– Это еще что за пакость? – устало, но без злобы, даже с легким интересом спросила Антонина, показывая себе под ноги.

Я не глядя могла сказать, что там. Глубокая, а точнее, бездонная щель в асфальте шириной около метра. Если лечь на край и заглянуть вниз, сквозь желтоватый туман можно разглядеть бесшумно улетающий водопад.

– Скажите, пожалуйста, вот я все утро думала – если я туда брошусь, что со мной будет?

– Бросься, сделай милость, – проворчала Антонина. – Может, ума прибавится. Убери-ка отсюда эту яму, а то еще свалится кто-нибудь.

– Нет, я серьезно... – начала я, но Антонина, обойдя пропасть, уже ушла.

Ну почему всегда так?! Или я должна делать только то, что она прикажет? В таком случае, какое же это творчество? Я все утро старалась, создавая пропасть с водопадом, и спрашивается, зачем – чтобы меня в очередной раз обругали? А вот не буду убирать яму. Спрячусь в кустах и посмотрю, что случится с тем, кто в нее первым свалится. Если меня не хотят учить по хорошему, начну, как написано над дверями в кабинет директора, «учиться у природы».

– Геля!

Я оглянулась и увидела, что Антонина высунулась из мастерской:

– Дерево там посади! Может, хоть через дыру ходить перестанут. Ты вроде по деревьям мастерица.

Дверь закрылась. Я задохнулась от возмущения. Еще издевается, старая ведьма, на сакуру намекает! Ладно же, будет ей дерево! Я задумалась, припоминая облик наиболее отвратительных представителей растительного мира. Анчар, пожалуй, то, что надо. Или гигантская росянка-людоед...

– Ой, что это? Я очнулась от раздумий и увидела Эзергиль с каким-то долговязым парнем. Эзергиль с интересом смотрела себе под ноги, парень поддерживал ее под локоток. Лицо у него было совершенно офигевшее. Должно быть, они пролезли в дыру в заборе и едва не свалились в мою пропасть, а я и не заметила.

Эзергиль низко наклонилась над провалом.

– Там водопад, да? Ничего, красиво. А что там такое зеленоватое?

– Не знаю, – растерялась я. – Зеленого быть не должно.

– Ага, так я и думала – горы. Ишь ты, оптический эффект, как у Хокусая: издали не разобрать, травой они заросли или лесом. А вот и река.

– Какая еще река?

– Сейчас, облако пролетит... Приглядишься – видишь, тоненькая такая блестящая полоска?

– Я ничего такого не задумывала, – удивленно сказала я. – Я просто создала пропасть и подумала – что будет, если я туда брошусь...

Эзергиль хитро прищурилась:

– Бросайся.

– Ты серьезно?

– Бросайся, не бойся.

Я заглянула в пропасть. У меня вдруг закружилась голова, и я отступила на шаг.

– Помочь? – вкрадчиво осведомилась Эзергиль. – Ты с парашютом никогда не прыгала?

– Нет.

– Знаешь, как парашютисты прыгают первый раз?

– Нет, и знать не хочу.

– Загляни-ка в провал еще разок.

– А ты меня случайно в спину не толкнешь? – нервно пошутила я, не двигаясь с места.

– С ума сойти, какая ты догадливая, Гелечка! – пропела Эзергиль, метко стукнула меня ногой под коленку и толкнула в спину. Я потеряла равновесие и с криком свалилась в пропасть.

В ушах стоит пронзительный свист. Я улетаю все вниз и вниз, желудок проваливается в какую-то черную дыру, душа проваливается в пятки и дальше. Воздух сам расступается, пропуская меня на встречу с острыми вершинами гор. Мое тело крутит во все стороны, а я ничего не могу сделать. Я чувствую себя беспомощной и страшно тяжелой, как ядро, запущенное из катапульты. Куда там обдумать ситуацию – я не успеваю даже переживать за себя, чувства за мной не поспевают. «Вот так и умру, – холодно и отстраненно думаю я, в очередной раз переворачиваясь через голову. – Проклятая Эзергиль, я же не парашютист. Через несколько секунд будет удар, который я не почувствую, и все».

– Тормози-и-и! – доносится откуда-то из невероятной дали еле слышный крик.

В уме ли она? Чем мне тормозить – крыльями? Я попадаю в облако и несколько секунд лечу в густом ледяном тумане. Как ни странно, это помогает мне сосредоточиться. Это мой мир, вспоминаю вдруг я. Он создан мной и живет по моим законам. Почему бы, действительно, мне не затормозить?

Подражая парашютистам из какой-то передачи про экстремалов, я раскинула руки и ноги морской звездой. Через долю секунды я вырвалась из облака, и передо мной раскинулась великолепная панорама незнакомой горной страны. Земля приближалась, но, как мне показалось, довольно медленно. У меня в запасе, похоже, была минута-другая. Это, как и то, что я перестала кувыркаться в воздухе, очень меня приободрило. Я вдохнула полной грудью и постаралась ощутить себя пустой и легкой, как надувной шарик. Это оказалось совсем не сложно – хватило одного моего желания, чтобы стремительное падение замедлилось. Теперь я не летела камнем вниз, а скорее парила. Чувство страха ушло, хаос в мыслях и ощущениях сменился восхитительной тишиной и покоем. Я кругами плыла в воздухе, раскинув руки, ловила потоки ветра и смеялась непонятно чему, просто потому, что мне было хорошо и весело.

Что-то я все вниз да вниз, так и на землю упасть недолго. Прощай, прекрасная незнакомая страна, может, еще навещу тебя когда-нибудь. Сейчас же мне пора возвращаться, а то опоздаю на композицию.

Я, как ныряльщик, описала в воздухе полукруг и взмыла вверх – прямиком на небо, где за облаками звенел бесконечно далекий смех Эзергили.

ГЛАВА 9

О детских оккультных развлечениях. Первое явление Князя Тишины

*Месяца бледного луч серебряный, месяца бледного луч, сердца алая
кровь...*

Астрид Линдгрен. Мио, мой Мио

На геометрии мне пришла записка: «Катка Туманова всех приглашает на день рождения Машки. Пойдем? А., М. и Л. К.».

Несмотря на внешнюю загадочность, ничего непонятного в записке не было. Нашей однокласснице Кате Тумановой не повезло – день рождения у нее выпал на август, когда все жили на дачах, и она завела себе привычку собирать гостей осенью, на день рождения младшей сестры. Пока Машка была достаточно мелкой, никто не возражал против буйной и прожорливой орды Каткиных одноклассниц за детским праздничным столом. Я там тоже бывала и могу сказать только одно – про Машку обычно забывали после первого же тоста, о чем она, кстати, совершенно не печалилась. Но в прошлом году случились два казуса: Машка вздумала пригласить собственных гостей, а торт оказался слишком маленьким. Результатом был страшный крик; торт пришлось уступить младшим, а старшее поколение осталось без сладкого и ушло недовольным. Надеюсь, Катка учтет прошлогоднюю ошибку, подумала я и написала в ответ: «Вы как хотите, а я пойду».

...Дверь мне открыла незнакомая девчонка с распущенными волосами до пояса и в лакированных туфлях на каблучке.

– Привет, – озадаченно сказала я. – Катя дома?

– Приветик, Гелька, – развязно ответила девица. – Подарок принесла?

Тут до меня дошло.

– Машка, ты, что ли?

– Не узнала! – радостно завопила Машка. С прошлого года она выросла как минимум на голову и во всей косметике выглядела чуть ли не старше меня.

– Тебе сколько лет исполняется? – с ужасом спросила я.

– Одиннадцать! – гордо ответила именинница. – Гони подарок!

– Да ты и в куклы, наверно, уже не играешь, – сказала я, вручая ей набор «Барби в инвалидной коляске и Кен на костылях». Честно говоря, я с трудом преодолела искушение оставить его себе.

Ответом был восторженный вздох, и Машка молча исчезла вместе с Барби в глубинах квартиры, предоставив мне отыскивать Катку самостоятельно.

Катка нашлась на кухне. Она с мрачным и сосредоточенным видом резала овощи для салата.

– А где все наши? – удивилась я.

– Никого не будет, – угрюмо ответила Катка, не отрывая взгляда от кромсаемых помидоров. – Эта свинюшка пригласила восемнадцать человек. Родители свалили, а меня оставили за старшую. Во праздник мне устроили, да? – с горьким юмором воскликнула она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.